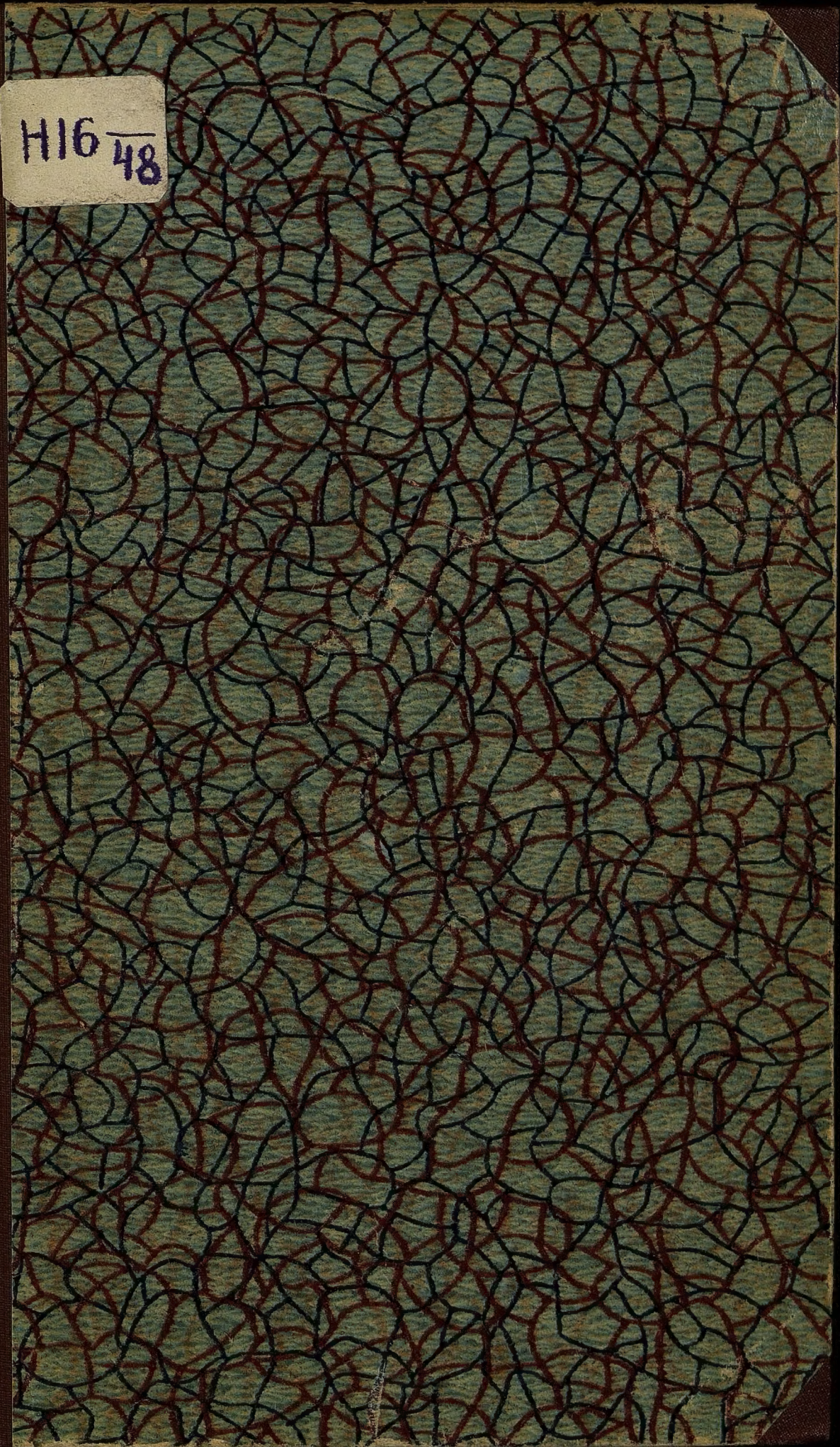
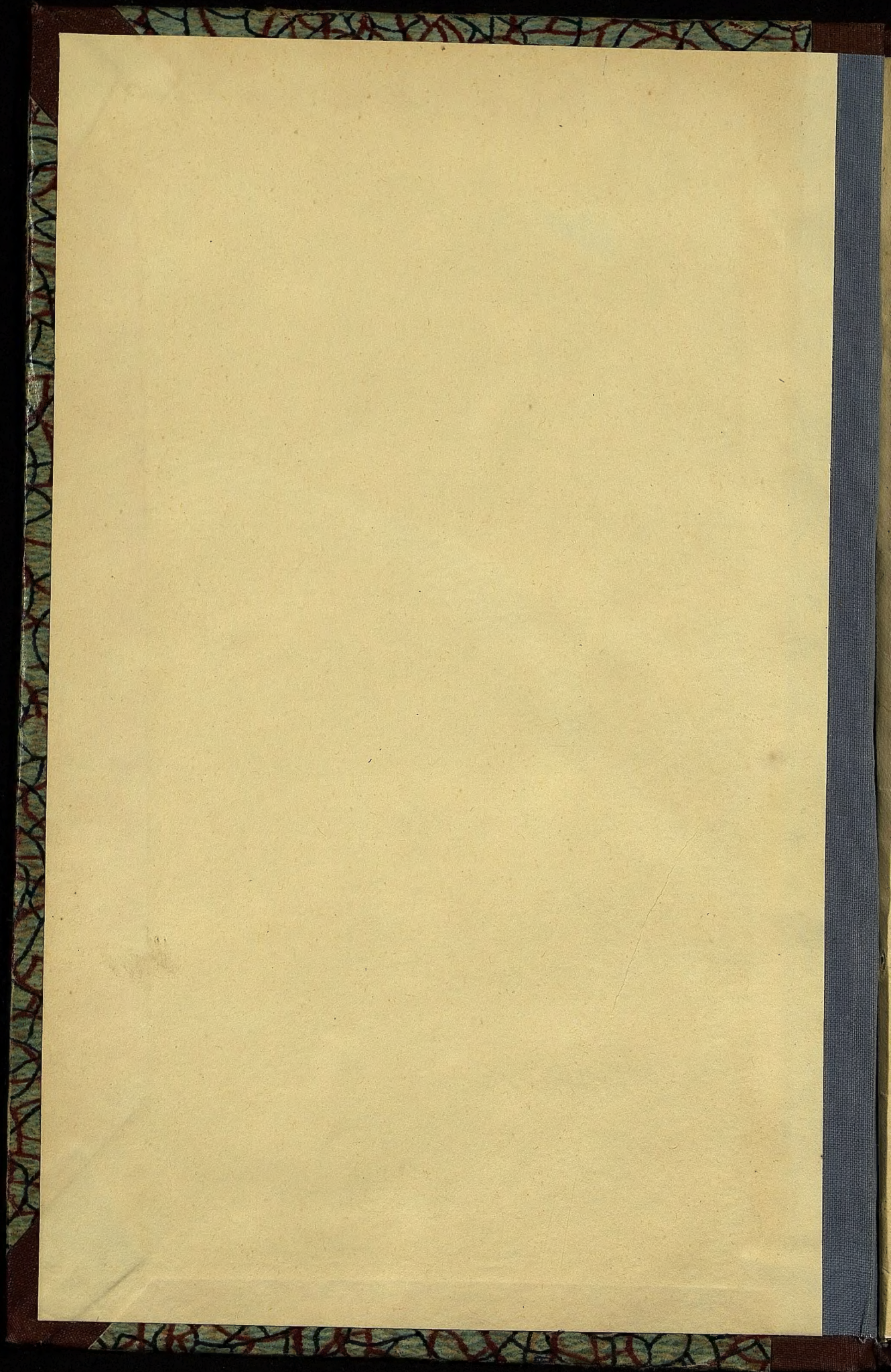
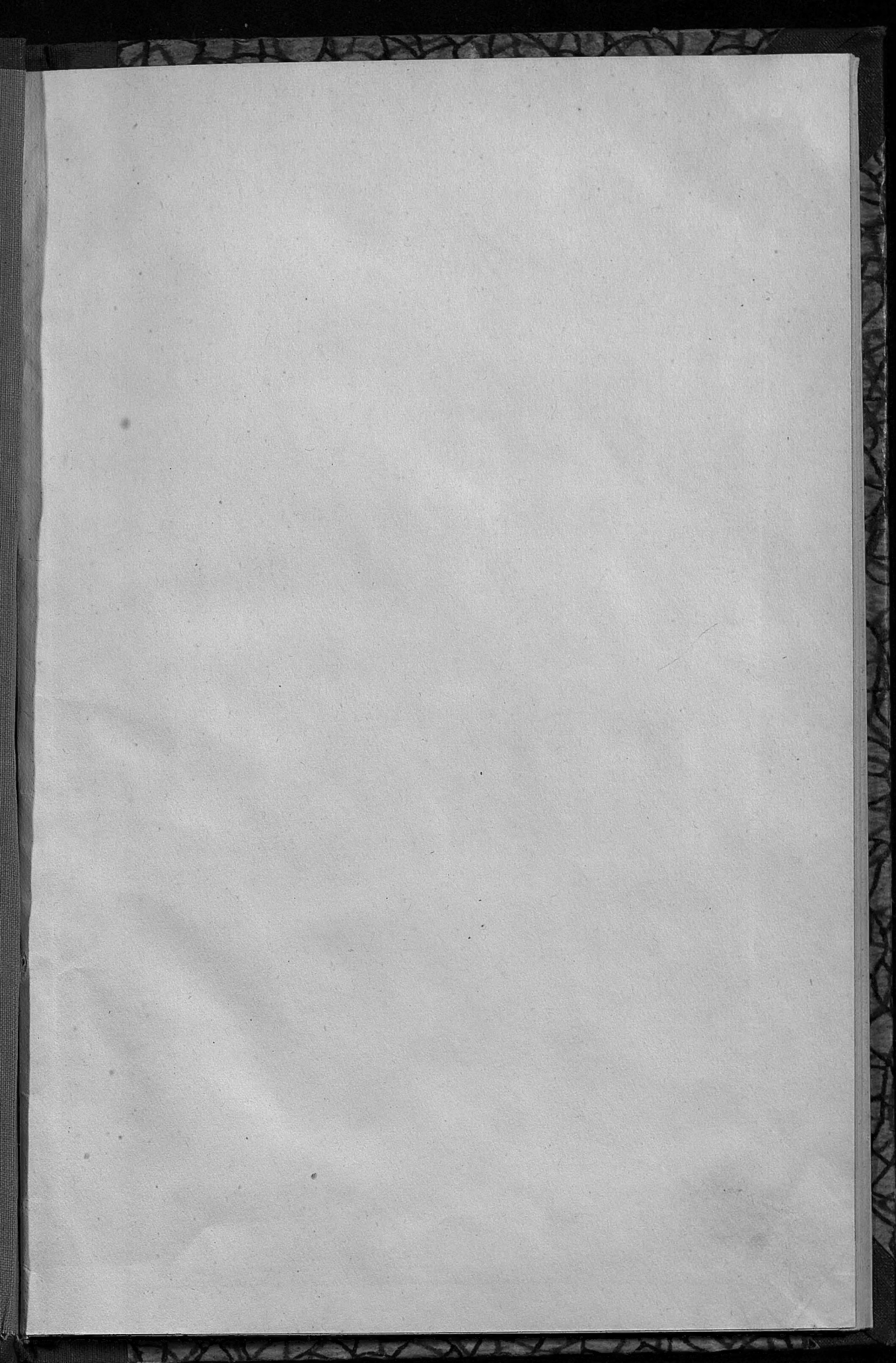
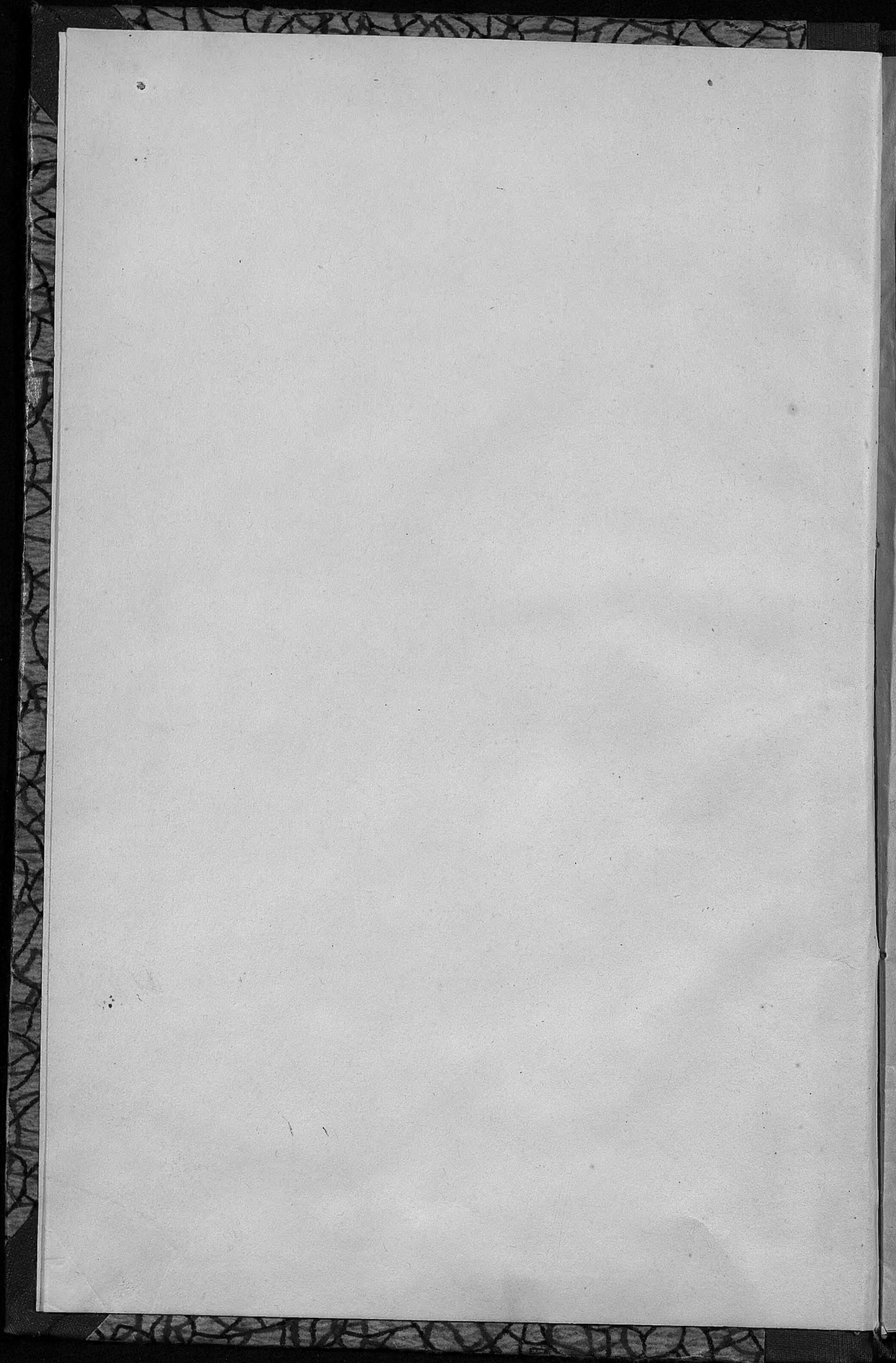

H16 48

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ДОМЪ РОЖАНОВЫХЪ

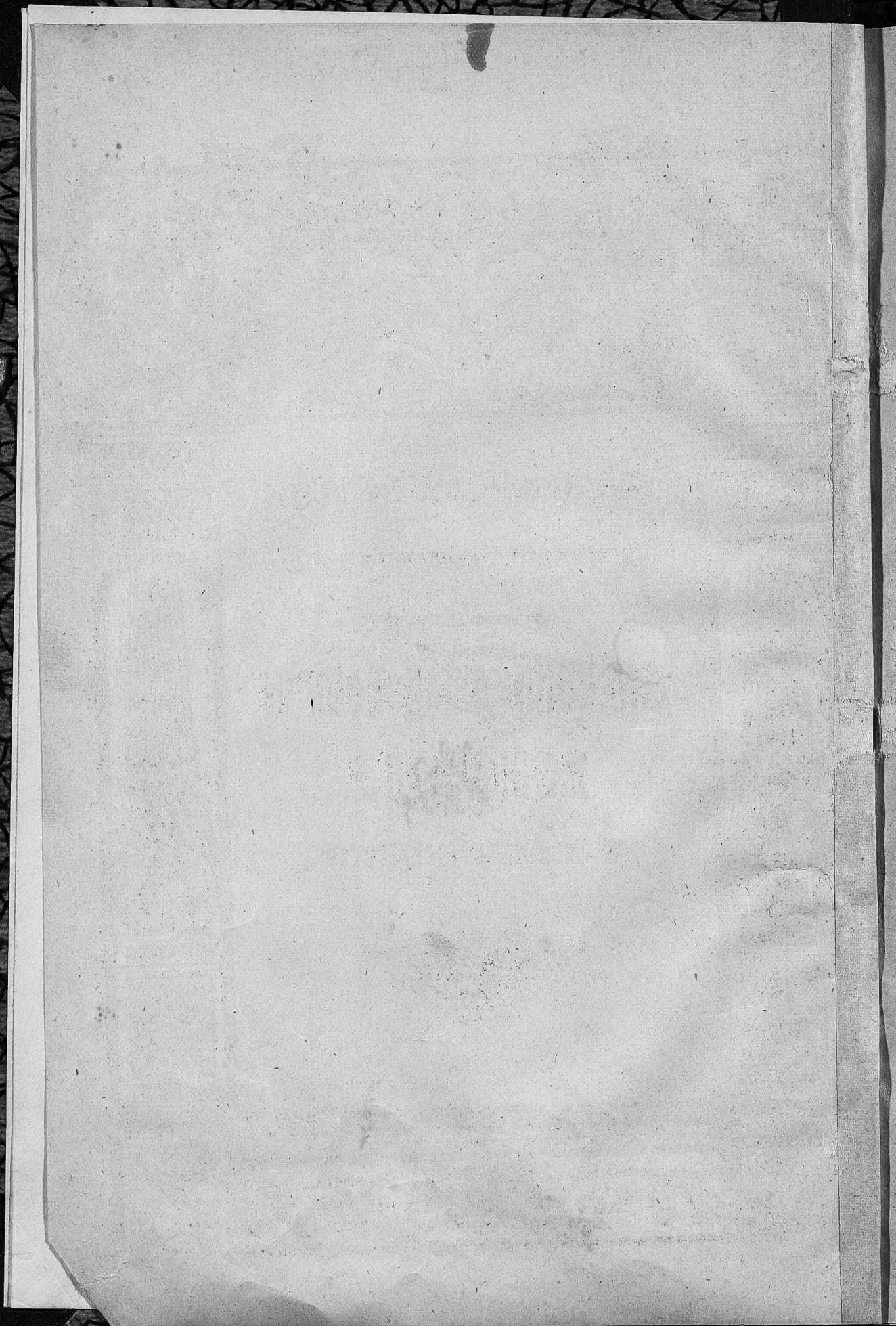
И УЧИЩЕ КАЗАНСКАГО КРАЯ

СЪ ИЗБРАНІИ БОАРИИ

НИХАИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА

РОЖАНОВА

НА МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО.

Н16 48

БЛАГОСЛОВЕННЫЙ ДОМЪ РОМАНОВЫХЪ

и участіе Казанскаго края

ВЪ ИЗБРАНІИ БОЯРИНА

МИХАИЛА ТЕОДОРОВИЧА

РОМАНОВА

на Московское государство.

Составилъ Н. А. Спасскій.

х

1119/6

КАЗАНЬ.

Изданіе редакціи Циркуляра при Управленіи Казанскаго
Учебнаго Округа.

1913.

и

Печатано по распоряженію Попечителя Казанскаго Учебнаго Округа

1232875 ✓ M

Казань. Типо-литографія Императорскаго Университета. 1913.

**Благословенный Домъ Романовыхъ и участіе Казанскаго
края въ избраніи боярина Михаила Феодоровича Романова
на Московское царство.**

«Въ старые годы, прежніе,
При зачинѣ каменной Москвы
Зачинался тутъ и Грозный царь,
Самъ Иванъ, сударь Васильевичъ;
Онъ три царства покорилъ себѣ:
Астраханское да Казанское,
Да великое царство Сибирское;
Казань—городъ мимоходомъ взялъ...
Покорилъ онъ царя со царицею

А и того ли царства Казанскаго.
А парица съ радостью московскаго князя встрѣчала,
Того ли Ивана, сударь Васильевича прозрителя.
И за то онъ парицу пожаловаль:
Онъ привелъ ее въ вѣру крещеную.
А за гордость царя Симеона Казанскаго
А и тутъ онъ снялъ съ него царскую корону,
Онъ царскій костыль его въ руки взялъ.
И въ то время князь воцарился
И насѣлъ въ Московское царство;
И тогда, де, Москва основалася,
И съ тѣхъ поръ ей великая слава».

Нар. пѣсня.

Таковы слова народной пѣсни, связывающія воцареніе въ Москвѣ предпоследняго Рюриковича, Ивана Васильевича IV— «прозрителя» съ завоеваніемъ Казанскаго царства. Покоритель татарскаго ханства ввелъ его въ составъ «Московского царствія» подъ именемъ «великаго государства Казанскаго», сталъ царемъ Казанскимъ, оставилъ въ немъ своего намѣстника князя Александра Борисовича Горбатаго-Шуйскаго, одного изъ героев покоренія Казанскаго царства, потомка св. великаго князя Владимира. Дочь этого перваго намѣстника царя православнаго Евдокія Александровна была замужемъ за шуриномъ Царя Ивана Васильевича славнымъ «старымъ дядюшкой» Никитой Романовичемъ Захарьинымъ; въ числѣ ея сыновей былъ любимецъ народный Ѳеодоръ Никитичъ, отецъ основателя династіи Романовыхъ царя Михаила Ѳеодоровича, впослѣдствіи великій государь святѣйшій патріархъ Московскій всея Руси

Такимъ образомъ на зарѣ своего существованія, какъ государства Московскаго царствія, Казань Промысломъ Божиимъ была связана съ родомъ Романовыхъ, а народная пѣсня вручила царю Іоанну IV знаки царскаго достоинства и титулъ царя, какъ наслѣдіе Казанскаго царства.

Грозный царь «прозиратель» былъ выдающимся государемъ своего времени. Не даромъ историки называютъ его предшественникомъ великаго царя Петра Перваго, претворившаго въ дѣйствительность идеи своего предка; не даромъ славный потомокъ во многомъ походилъ на своего пращура. Рожденіе царя Грознаго ожидалось съ напряженіемъ, сопровождалось прорицаніями:

говорили, что «родился Титъ широкій умъ», что онъ покоритъ Казань и смирить «исконное во отечествіи и гордынное о благородствѣ мятежное боярское шатаніе». Такъ оно и случилось.

Царь Іоаннъ IV.

И вотъ «прозритель», расширяетъ Московское царство обширными завоеваніями, наводитъ грозу на Крымъ, казаковъ, заводитъ торговыя сношенія съ Англіей чрезъ Архангельскъ, устраивая портъ, стремится прорубить новое окно въ Европу путемъ завоеванія Ливоніи, пытается вернуть Руси ея отчины и дѣдины: западно-русскія области. Онъ сносится съ папой, австрійскимъ императоромъ, съ Даніей. Поляки приглашаютъ его на польскій престолъ, чтобы соединить Польшу съ Москвой.

«Ужъ какъ сталъ то
Грозный царь Россеюшку любить,
Сталъ Россеюшку любить,
Чужи страны съ ней сводить».

Н. П.

Царь-завоеватель является и мудрымъ администраторомъ: онъ первый пытается уничтожить средостѣніе между царемъ и народомъ: учреждаетъ земскіе соборы; онъ пытается исправить нестроения въ жизни церковной путемъ созыва «освященныхъ соборовъ»; онъ устроитель русской земщины, народного самоуправления, онъ мудрый колонизаторъ, покровитель торговли, промысловъ, судоходства на Волгѣ, творецъ новаго судебника, сторонникъ народного права; онъ самый образованный человекъ своего вѣка, основатель печатнаго дѣла на Руси, и самъ талантливый писатель. Даже въ своей борьбѣ съ «гордынными княжатами», не желавшими разставаться съ мыслью быть государями въ своихъ вотчинахъ, онъ являлся лишь орудіемъ идеи самодержавія, государевой власти, ведя борьбу со всѣми «скорбными чертами жертвы», «души страдающей и бурной», выдвигая слабыхъ противъ сильныхъ, и мы по всей справедливости должны слѣдовать за русскимъ народомъ въ его взглядѣ на Грознаго царя, воспѣтаго имъ въ своихъ пѣсняхъ, какъ царя-богатыря, народного героя, чуткаго къ добру и злу, къ неправдѣ, готового исправить свое прегрѣшеніе, выводящаго измѣну идеѣ государственнаго единства. Установитель «царскаго чина къ тому-же и *грозы*»,

«Православный Царь Иванъ Васильевичъ
Онъ грозенъ, батюшка, но и милостивъ,
Онъ за правду милуетъ,
За неправду въшаетъ».

Н. П.

Бракъ царя-завоевателя съ «юницей», кроткой, доброй, ласковой Анастасіей Романовной Захарьиной, приблизившей къ царю своего брата Никиту Романовича, былъ счастіемъ для Россіи, запечатлѣлся въ памяти народной и связалъ родъ Романовыхъ съ трономъ. Семья Романовыхъ является вѣрнымъ стражемъ, «оберегателемъ» царя въ его борьбѣ съ «князьемъ». «Грѣхи и темныя дѣянья», послѣдовавшія за смертію царицы Анастасіи, не могли затмить въ памяти народной «трудова, славы и добра» Грознаго царя; привели къ тому, что еще ярче засіялъ образъ «беззлобливой и милостивой царицы», а народная любовь къ ней перешла на ея брата, на его семью, и царскій шурина Никита Романовичъ, соединявшій въ себѣ умъ, твер-

дость и смѣлость съ добротою и справедливостію, явился въ народной пѣснѣ богатыремъ, оберегателемъ царскихъ дѣтей, т. е. своихъ племянниковъ отъ послѣдствій гнѣва опальчиваго царя-отца.

И до конца дней своихъ этотъ богатырь-бояринъ сумѣлъ сохранить любовь своего царственного зятя, которому вѣрно служилъ, но не прислуживался, не былъ въ опричнѣ, преобразованной въ 1580 г. въ дворъ, а оставался надежнымъ и вѣрнымъ царю бояриномъ въ земщинѣ, не участвуя ни въ пирахъ царя, ни въ дѣлахъ его опалы, не смотря на все приближеніе къ нему; напротивъ онъ оберегалъ царя отъ грѣха, что запечатлѣно народной памятью. Доброта и человѣчность Никиты

Царь Петръ Великій.

Романовича проявлялись не только въ царской думѣ, но и на поляхъ брани, гдѣ онъ, искусный воевода, былъ въ тоже время великодушнымъ побѣдителемъ, щадившимъ населеніе завоеванныхъ областей. Завѣдуя обороной «Юга» съ его беспокойнымъ населеніемъ, Никита Романовичъ своею справедливостію, заботливостію о нуждахъ служилыхъ людей и привѣтливымъ обращеніемъ доставилъ себѣ необыкновенную популярность среди пришлаго населенія этого «Юга». Народная пѣсня дѣлаетъ Никиту Романовича «старымъ дядюшкой», заставляетъ прибѣгать къ его помощи всюду, гдѣ послѣдняя нужна. Онъ служитъ народу не только въ эпоху царя Грознаго, но и въ эпоху смуты, помогаетъ Скопину - Шуйскому противъ Литвы, то

обращается въ сѣраго волка и «выторкиваетъ глотки» у вражескихъ коней, то дѣлается горностаемъ и «выщелкиваетъ» замочки у ружей непріятеля, По народной пѣснѣ «хитрость-мудрость» Никиты Романовича укрощаетъ похвальбу чужеземнаго княжича Матрюка чрезъ выставленныхъ «дядюшкой» братьевъ Борисовичей; бояринъ спасаетъ царевича Теодора отъ напрасной смерти, отнимая его изъ рукъ Малюты, и тѣмъ радуется Царя-Грознаго, уже раскаявшагося въ неосторожно отданномъ приказѣ.

«Царь цѣловалъ его въ уста сахарныя
И вскричалъ зычнымъ голосомъ:
А и чѣмъ боярина пожаловати,
А и стараго Никиту Романовича?»

«Старый Никита Романовичъ» отказывается отъ сребра-золота, городовъ съ селами, а проситъ одной милости: грамоты тарханныя:

«А ты пожалуй Микитину вотчину:
Кто коня угналъ, кто жену увелъ,
Да ушелъ въ Микитину вотчину,
Того въ Микитиной вотчинѣ не взыскивать».

Смерть Грознаго царя не измѣнила положенія богатыря-боярина. Умиравшій царь учредилъ совѣтъ при своемъ наслѣдникѣ, гдѣ первое мѣсто принадлежало «старому дядюшкѣ». Послѣдній первенствовалъ въ управленіи страной при царѣ-племянникѣ до самой своей смерти въ 1585 г. Богу угодно было связать родъ Романовыхъ съ царскимъ домомъ неразрывными узами, подготавливая его на царство.

Славный бояринъ имѣлъ отъ своей супруги княжны Евдокии Александровны Горбатой-Шуйской 6 сыновей и 7 дочерей, Всѣ они были люди способные и энергичные; получили отъ отца огромное достояніе въ обширныхъ вотчинахъ въ Муромскомъ, Владимирскомъ, Юрьево-Польскомъ, Ярославскомъ уѣздахъ, въ Костромскомъ краѣ, въ Бѣжецкомъ верху, въ Новгородской области, въ Москвѣ, Вязьмѣ, Твери, въ Калужскомъ, Епифанскомъ, Ряжскомъ, Данковскомъ, Елецкомъ уѣздахъ, на Унжѣ и на «Югѣ».

Юный царь покровительствовалъ семьѣ Романовыхъ, тѣмъ болѣе, что царскій шуринъ Б. Годуновъ дружилъ съ старымъ

дядюшкой, даже взял на себя «соблюдение о чадѣхъ» умиравшаго Никиты Романовича. Посему сначала Никитичи жили съ Годуновымъ въ «завѣщательномъ союзѣ дружбы», перероднились съ знатнѣйшими въ государствѣ фамиліями: Черкасскими, Голицыными, Слупкими, Лыковыми, Шестовыми, Шереметевыми и др. Какъ двоюродные братья царя Ѳеодора, они составляли могущественнѣйшій, первенствующій и самый древній родъ въ Московской землѣ, но держали себя скромно и были всѣми любимы. Среди нихъ первенствовалъ старшій сынъ московскій красавецъ Ѳеодоръ Никитичъ.

Патріархъ Филаретъ.

Это былъ человѣкъ здоровый, статный молодецъ, красиво одѣвавшійся, со всѣми привѣтливый, приводившій въ восторгъ толпу, когда показывался верхомъ на конѣ. Пытливый и широкій умъ отличалъ Ѳеодора Никитича, выражался въ его голубыхъ глазахъ и открытомъ взглядѣ. Онъ зналъ латинскій языкъ, былъ намѣстникомъ въ Н.-Новгородѣ и членомъ боярской думы. Двоюродный братъ царя, онъ наследовалъ народную любовь отъ своего замѣчательнаго отца. Молодой бояринъ любилъ охоту, птицъ ловчихъ, собакъ, и предавался ей въ своихъ костромскихъ вотчинахъ. Ѳеодоръ Никитичъ былъ женатъ на княжнѣ Ксеніи Ивановнѣ Шестовой (Шестуновой), связавшей мужа родствомъ съ боярами Салтыковыми, Морозовыми, Она то и принесла мужу въ приданое село Домнино.

Отъ этого брака и родился 12 іюня 1596 г. основатель династїи Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ.

Недолго пришлось ребенку пользоваться отцовской лаской въ родительскомъ домѣ. Династія Рюриковичей угасала, и вмѣстѣ съ тѣмъ начиналась на Руси смута и разруха, прекратившаяся тогда, когда удалось найти царя, котораго можно было связать родствомъ съ семьею царя Іоанна Грознаго, какъ племянника послѣдняго царя Ѳеодора Іоанновича, продолжателя демократическаго полновластія Грознаго, въ противовѣсъ владѣтельному князю, такъ какъ дѣло Грознаго царя еще не было закончено.

Со смертью царя Ѳеодора Іоанновича князь подняло голову, а усиленная демократизація землевладѣнія поколебала экономическіе устои Московскаго государства. Князата не хотѣли признавать себя побѣжденными. Происходила борьба. Помѣщики старались прикрѣпить къ землѣ крестьянъ, а послѣдніе устремились отъ холопства на окраины, въ дикое поле, образовали вольныя станицы, появились вольные, гулящіе люди, воры. Въ 1598 г. угасъ Ѳеодоръ Іоанновичъ, не оставивъ прямого наслѣдника. Народная любовь выдвинула кандидатуру своего любимца: двоюроднаго брата царя, прежняго друга Б. Годунова боярина Ѳеодора Никитича Романова. Эта кандидатура поддерживалась даже и московской знатью, предпочитавшей родъ Романовыхъ потомству татарскаго мурзы Чета. Въ народѣ ходила молва, что умирающій царь передалъ скипетръ своему двоюродному брату Ѳеодору Никитичу, отказавъ ему царскій престолъ. Но Борисъ Годуновъ не дремалъ. Опираясь на земское избраніе, на благословеніе своей сестры, царицы Ирины, пользовавшейся народнымъ расположеніемъ за кротость и доброту, «изрядный правитель, содержатель великихъ государствъ Казанскаго и Астраханскаго, наслѣдникъ казанскій и астраханскій» беретъ «вѣнецъ и бармы Мономаха», выставляя за основаніе для этого свое «свойство» съ угасшей династіей. Боярину Ѳеодору Никитичу жалуется санъ «крайчаго». Поневолѣ пришлось признать совершившійся фактъ. Проходитъ всего два года, и вотъ въ концѣ 1600 г. надъ семьею Романовыхъ разразилась царская опала: Ѳеодоръ Никитичъ насильственно постригается въ монахи подъ именемъ Филарета, его жена Ксенія Ивановна и теща Марія Шестова подвергаются тому же постриженію, всѣ разсылаются по отдаленнымъ монастырямъ. Сослали въ ссылку

и остальныхъ сыновей Никиты Романовича, гдѣ нѣкоторыхъ и умертвили. Романовыхъ обвинили въ томъ, что они «хотѣли взять царство вѣдовствомъ и кореньемъ», что жена Ѳеодора Никитича совѣтовалась съ братьями своего мужа, «какъ бы извести царя и весь его домъ». И вотъ пущены были въ ходъ «вѣдовство и коренье», и извѣты холоповъ. Конечно, московская знать трудно свыкалась съ воцареніемъ даровитаго, умнаго и опытнаго правителя. Шестовы не могли примириться съ этимъ и позволяли себѣ выражать среди родни неудовольствіе на царя Бориса, заявляя о несомнѣнныхъ правахъ Ѳеодора Никитича на царство, какъ Рюриковича по бабушкѣ и двоюроднаго брата по крови царю Ѳеодору Іоанновичу. Но этимъ дѣло и кончилось. Между тѣмъ подозрительный царь разметалъ семью Романовыхъ: Ѳеодоръ Никитичъ былъ заточенъ въ отдаленномъ Сійскомъ монастырѣ подъ именемъ старца Филарета, его супруга Ксенія Ивановна, теперь инокиня Марѳа, была сослана въ Заонежье, ея мать княгиня Марія Шестова была заточена въ Чебоксарскомъ Никольскомъ монастырѣ, гдѣ была пострижена подъ именемъ Марѳы и нашла себѣ могилу; бояринъ Александръ Никитичъ попалъ въ Усолъе, Михаилъ Никитичъ въ Пермскій край, Василій—въ Яранскъ, а Иванъ—въ Пелымъ. Даже малолѣтнія дѣти Ѳеодора Никитича подверглись опалѣ: ихъ, въ томъ числѣ и малютку Михаила Ѳеодоровича, съ сестрой и теткой Анастасіей Никитичной сослали въ заключенье въ Бѣлое озеро. На мѣстѣ ссылки Александра Никитича удушили горячей баней, Михаилъ Никитичъ, заключенный близъ Ныроба въ особую землянку, въ плечные, ручные и ножные кандалы, былъ потомъ удушенъ, и надъ его могилой выросли два кедра. Василій Никитичъ изъ Яранска потомъ былъ увезенъ въ Пелымъ и заточенъ вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ Никитичемъ; здѣсь онъ и скончался 15 февраля 1602 г.

Въ сентябрѣ 1602 г. дѣтямъ Ѳеодора Никитича позволено было поселиться въ родной вотчинѣ «Клинахъ», гдѣ приставъ уже давалъ ссыльнымъ «молока и яицъ не отъ велика». Будущій самодержецъ всея Руси такимъ образомъ въ дѣтствѣ долженъ былъ вынести лишенія даже и въ пищѣ. Младшіе Никитичи тоже скоро получили полегченіе, но участь старца Филарета, его жены и тещи по-прежнему была тяжелой, и только со смертью царя Бориса Годунова старецъ Филаретъ и его семья получили свободу и почести. Но всѣ эти страданія

семьи Романовыхъ придали этому роду еще большую народную славу, ореолъ мученичества за правду, за государеводѣло, что и выразилось въ событіи 21 февраля 1613 г.

Государственный умъ Годунова, его опытность не спасли Русь отъ смуты и разрухи. Онъ встрѣтилъ сильное противоѣйствіе въ верхахъ, въ знати, не прощавшей ему татарскаго происхожденія, и въ низахъ, которые онъ думалъ прикрѣпить къ землѣ; средніе же слои населенія еще не были тогда организованы и крѣпки. Еще при царѣ Іоаннѣ IV по Волгѣ гуляли голутвенные люди, казаки и другіе «воры»; это бѣгство отъ тягла еще болѣе усилилось въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича послѣ уничтоженія Юрьева дня и въ правленіе царя Бориса Ѳеодоровича: въ голодные годы. Разбойничьи шайки воровъ вели съ царскими войсками правильные бои и наводили страхъ на города, воеводъ, и самого царя, Нуженъ былъ лишь кличъ, чтобы они соединились. Такимъ кличемъ было появленіе самозванца. Глухое недовольство народа на сложившійся при Годуновѣ хозяйственный и общественный укладъ бросило династію Годунова въ пучину бѣдствій. Самъ царь Борисъ неожиданно скончался, а его многообѣщавшій наслѣдникъ Ѳеодоръ былъ сведенъ съ престола и погибъ вмѣстѣ съ матерью. Наступила самозванщина, смута народная, вызвавшая разруху государственную, и Московское царство пало-бы, если-бы въ немъ не существовало здоровыхъ элементовъ въ лицѣ духовенства и купечества: эти сословія спасли Русь, выдвинувъ на царскій престолъ сына народнаго героя Михаила Ѳеодоровича.

Первый самозванецъ вернулъ Филарета изъ ссылки, и освященный соборъ сдѣлалъ его митрополитомъ Ростовскимъ; инокиня Марѳа поселилась съ своимъ 10 лѣтнимъ сыномъ Михаиломъ сначала въ Ростовѣ, потомъ въ Москвѣ, гдѣ пережила ужасы осады 1611—1612 годовъ. Скоро сошелъ со сцены первый Лжедмитрій, и въ маѣ 1606 г. былъ выкрикнутъ толпою приверженцевъ хитрый и коварный бояринъ Василій Шуйскій; но онъ не спасъ Руси, а еще болѣе вовлекъ ее въ бѣдствія вмѣшательствомъ въ русскую смуту иностранцевъ. На сцену явился бѣглый холопъ Болотниковъ съ самозванцемъ лже-Петромъ, будто бы сыномъ царя Ѳеодора Іоанновича; онъ собралъ вокругъ себя такихъ же, какъ и онъ, холоповъ, крестьянъ, даже украинскихъ дѣтей боярскихъ и городовое, т. е.

провинціальное дворянство и подошелъ къ Москвѣ. Не успѣлъ царь Василій покончить съ этимъ движеніемъ низовъ противъ верховъ, бѣдныхъ противъ богатыхъ, какъ появился новый самозванецъ, въ послѣдствіи Тушинскій воръ «добывать себѣ царство»; онъ захватилъ себѣ Марину, привелъ на Русь поляковъ и казаковъ, осадилъ Троице-Сергіеву лавру и плѣнилъ ростовскаго митрополита Филарета Никитича.

Явились царь на Москвѣ да царь въ Тушинѣ и московскіе перелеты. Поднялась волжская вольница и казачество. Царь Василій дѣятельно боролся со смутой, при помощи возведеннаго 3 іюля 1606 г. въ патріархи казанскаго митрополита Гермогена и своего даровитаго племянника М. В. Скопина-Шуйскаго. Послѣдній явился на выручку Москвы съ ополченіемъ сѣверныхъ городовъ и шведскимъ наемнымъ отрядомъ, освободилъ столицу отъ Тушинскаго царька, тѣмъ приобрѣлъ любовь народа, воспѣваемаго героя въ своихъ пѣсняхъ. По этимъ пѣснямъ на помощь Скопину-Шуйскому—является «старый дядюшка» Никита Романовичъ и помогаетъ бороться противъ литвы. Царемъ Васи́лемъ отправляются войска подъ командой Шереметева для усмиренія нижняго Поволжья.

Но князь Скопинъ-Шуйскій неожиданно умираетъ. Это несчастье сводитъ царя Васи́лія съ престола 17 іюля 1610 г., и Русь ввергается въ бездну трехлѣтняго междуцарствія, изъ котораго выводится никѣмъ инымъ, какъ патріархомъ Гермогеномъ, призваннымъ на защиту вѣры и народности «послѣднихъ людей» Московскаго царства. Въ то время какъ московское боярство думало отдать страну подъ власть польскаго королевича Владислава и тѣмъ ввергало ее во власть поляковъ, отдавъ имъ столицу, духовенство и средній классъ соединились съ помѣстнымъ среднимъ дворянствомъ, и Русь была спасена, а на царскомъ престолѣ возсѣлъ сынъ народнаго любимца царь Михаилъ Оеодоровичъ. Можно было подумать, что страна погибала отъ безначалія. Новгородъ захватывали шведы, во Псковѣ былъ свой самозванецъ, поляки осадили Смоленскъ, въ украинскихъ городахъ поднялось казачество, на понизовой Волгѣ—голутвенные люди, а самую Москву захватилъ польскій отрядъ и диктовалъ свою волю измѣнникамъ боярамъ, искавшимъ для себя возстановленія правъ и вольностей, на подобіе шляхетскихъ въ Польшѣ. Только голосъ «поборателя за землю Русскую» патріарха Гермогена звучалъ по Руси, какъ

вѣчевой колоколь, онъ призывалъ ее къ единенію на защиту вѣры, народности и государства. Это былъ звонъ набатнаго колокола, извѣщавшій страну объ общественномъ бѣдствіи. И услышали этотъ голосъ сначала Рязань, потомъ Нижній-Новгородъ и Казань, Кострома и Ярославль и друг. города верхняго поволжья, и 22 октября 1612 г. Москва была освобождена отъ вражьихъ силъ. Силы народныя сплотились; отдѣльныя «государства» во-очію сознали весь вредъ отъ того, что «брели розно», явилось сознаніе единства недѣлимой Россіи, какъ государственной величины. Ясно была признана настоятельная необходимость въ царской власти, какъ основаніи и центрѣ единенія областей.

Въ этомъ то великомъ дѣлѣ принимаютъ горячее участіе, стоятъ во главѣ подвига наши казанскіе люди: патріархъ Гермогенъ, митрополитъ казанскій Ефремъ, бывшій монахъ старецъ свѣяжскаго Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, свѣяженинъ Родіонъ Моисеевъ, а надъ всѣмъ ихъ дѣломъ сіяетъ благословеніе Заступницы, Царицы Небесной, казанскій образъ (списокъ) Которой былъ сначала въ первомъ ополченіи, по завѣту патріарха Гермогена, будучи принесенъ казанцами, бывшими въ этомъ ополченіи. Второй разъ онъ былъ съ ополченіемъ Пожарскаго, и по сказанію лѣтописца были многія чудеса отъ того образа за время какъ перваго, такъ и втораго ополченія.

Помянемъ же доброй памятью этихъ защитниковъ и освободителей родной страны.

Среди славныхъ людей Казанскаго края имя святителя Гермогена сіяетъ особенно лучезарно, какъ святого мужа и великаго патріота, «положившаго душу свою за други своя». Это русскій Леонидъ XVII вѣка. По одному преданію святитель былъ казанскій уроженецъ, воспитанникъ разсадника христіанскаго просвѣщенія края—Спасопреображенскаго монастыря, ученикъ св. Гурія и Варсонофія, по другому—онъ выходецъ съ Дона, только старожилъ казанскій. То же преданіе дѣлаетъ его послушникомъ названнаго монастыря, затѣмъ діакономъ, священникомъ Казанской Никологостиной церкви. Въ 1579 г. ему было около пятидесяти лѣтъ. Это былъ человѣкъ довольно высокаго роста, съ энергичнымъ лицомъ, рѣшительными движеніями и пронзительнымъ взглядомъ, принадлежалъ по роду видимо къ посадскимъ людямъ; былъ женатъ, имѣлъ дочь замужемъ въ

Вяткѣ за посадскимъ человѣкомъ Корнилиемъ Рязанцевымъ. Въ бытность Гермогена въ Казани скончались три свѣтильника казанской церкви св. Гурій (1863 г.), св. Германъ (въ 1567 г. въ Москвѣ) и св. Варсонофій (1576 г.). Угасли свѣточи, и «источника цѣлебнаго не бѣ тогда въ Казани». Богъ посѣтилъ городъ пожаромъ, спалившимъ царскій дворецъ, торговые ряды, большую часть посада и храмъ Николы Гостина. Въ милость и прощеніе, и наставленіе Богъ послалъ городу икону Божіей Матери, сразу сдѣлавшуюся центромъ христіанскаго воодушевленія въ городѣ. На мѣстѣ сгорѣвшаго дома стрѣльца Даниила Онучина и явилась св. икона. Первый, кто обрѣлъ,

Патріархъ Гермогенъ.

подъялъ св. икону изъ земли, объявилъ народу, поставилъ въ храмъ св. Николая Тульскаго,—былъ «по чину поповсту святого Николы, иже зовется Гостинъ», Гермогенъ; онъ же описалъ явленіе св. иконы и чудеса отъ св. лика. Со смертію жены, Гермогенъ постригается въ монахи, а въ 1587 году мы видимъ его уже въ санѣ архимандрита Спасопреображенскаго монастыря «И мнѣ, непотребному, пишетъ св. Гермогенъ, въ той святой обители пятому по немъ (т. е. Варсонофіи) быти, на мѣстѣ его стояти и жезль его въ свою руку держати». Около 3 лѣтъ

пробыль святитель настоятелемъ дорогого ему монастыря, заботясь объ его благоустройствѣ послѣ пожара и воздвигъ каменный здѣсь храмъ, а въ 1589 г. онъ уже былъ казанскимъ святителемъ, принялъ жезлъ св. Гурія и былъ наименованъ митрополитомъ казанскимъ и астраханскимъ. Семнадцать лѣтъ святой старецъ держалъ съ честью святительскій жезлъ св. Гурія, проявилъ себя ревностнымъ проповѣдникомъ христіанства, совѣтникомъ воеводъ, охранителемъ русскихъ интересовъ въ краѣ, покровителемъ христіанъ-инородцевъ. Съ именемъ этого святителя соединяется построеніе Казанскаго женскаго монастыря, возобновленіе Никологостиной церкви, построеніе Михайлоархангельской, Борисоглѣбской, Дмитріевской церквей.

Онъ обрѣлъ и осязалъ, и прославилъ нетлѣнныя мощи св. Гурія и Варсонофія, перенесъ мощи св. Германа изъ Москвы въ Свіяжскъ, написалъ житія этихъ казанскихъ свѣтильниковъ; имъ же были составлены житія и прославлены казанскіе мученики Іоаннъ, Стефанъ, Петръ; онъ первый установилъ поминовеніе воиновъ, падшихъ подъ Казанью. Особенно заботился святитель о новокрещеныхъ инородцахъ, отдѣлилъ ихъ отъ некрещеныхъ въ особыя слободы. Преимущественное вниманіе онъ обращалъ на построеніе храмовъ въ селеніяхъ и монастыряхъ, и въ 1604 г. имъ былъ освященъ каменный храмъ въ Свіяжскомъ Троицкомъ, нынѣ Предтеченскомъ монастырѣ, а также храмъ въ основанномъ царемъ Борисомъ дворцовомъ селѣ Борисоглѣбскомъ.

Скончался царь Борисъ, и на престолъ сѣлъ Лжедмитрій I. Святителя вызвали въ столицу для засѣданія въ сенатѣ, преобразованномъ изъ боярской думы. И здѣсь новому исповѣднику пришлось стать на защиту православія, открыто заявить самозванцу: «Христіанину царю непристойно брать замужъ неправославную, вводить ее въ святую церковь и строить для нея римскіе костелы. Не дѣлай такъ, царь! Изъ прежнихъ русскихъ царей никто такъ не дѣлалъ, а ты хочешь сдѣлать». Святитель казанскій потребовалъ, чтобы панна Марина оставила католичество прежде вѣнчанія; иначе бракъ царя съ нею будетъ беззаконіемъ на Руси. Святителя выслали въ Казань съ приказаніемъ «санъ святительскій съ него сняти и въ монастырь заточити; но милостью Божіею сохраненъ бысть до умертвія Растригина». 17 мая 1606 г. Лжедмитрія не стало, а 3 іюля св. Гермогенъ сталъ патріархомъ Московскимъ. Его посвятили

русскіе іерархи и вручили посохъ Петра чудотворца. Вступившій на царскій престолъ князь Василій Шуйскій намѣтилъ было въ патриархи ростовскаго митрополита Филарета Никитича и даже отправилъ его въ качествѣ нареченнаго патриарха въ Угличъ открывать мощи св. Дмитрія царевича; но народныя толки, что царство должно по праву родства съ царемъ Гроз-

Убіеніе Іжедимитрія І.

нымъ принадлежать Романовымъ, заставили осторожнаго царя воздержаться отъ возвышенія митрополита Филарета, и патриархомъ сталъ казанецъ Гермогенъ, «мужъ словесенъ и хитрорѣчивъ, но не сладкогласенъ, о божественныхъ же словесехъ всегда упражняется и вся книги ветхаго завета и новыя благодати и уставы духовныя до конца извѣче».

Казалось, сама судьба послала царю Василию сильного духомъ человека, одареннаго огромнымъ умомъ, пламеннымъ краснорѣчіемъ, съ кипучей энергіей и безпримѣрнаго патриота, борща за религіозную и политическую самостоятельность. Онъ отлично понималъ, въ чемъ спасеніе отечества, принесъ себя въ жертву, какъ зерно горчичное, тѣмъ спасъ погибавшую отъ лихолѣтья отчизну и ея самобытность. Съ перваго же шага святитель сталъ на сторону царя Василія, началъ доказывать правильность его избранія, хотя отлично понималъ, что Шуйскій былъ избранъ лишь одною Москвою, выкрикнуть на площади, а не земскимъ соборомъ, въ чемъ была роковая его ошибка. 17 февраля 1609 г. враги царя потащили патріарха изъ Успенскаго собора на Лобное мѣсто, обсыпая пескомъ, соромъ, стали здѣсь читать грамоту о смѣщеніи царя съ престола, какъ сѣвшаго на послѣдній безъ согласія Земли. Но злодѣи услышали слѣдующія уничтожающія рѣчи святителя: «Сѣлъ онъ, государь, на царство не самъ собою, выбрали его большіе бояре и вы, дворяне, и служивые люди; да если бы онъ, царь, вамъ и не угоденъ былъ, то нельзя его безъ большихъ бояръ и безъ всенароднаго собранія съ царства свести... До сихъ поръ Москвѣ ни Новгородъ, ни Казань, ни Астрахань, ни Псковъ и ни которые города не указывали, а указывала Москва всѣмъ городамъ. Государь, царь и великій князь Василій Ивановичъ возлюбленъ и избранъ, и поставленъ Богомъ и всѣми русскими властями, и крестъ ему цѣловала вся земля, а вы немногими людьми востали на царя, хотите его безъ вины съ царства свести, а міръ того не хочетъ и не вѣдаетъ, и мы съ вами въ тотъ совѣтъ не пристаемъ». Мятежники ушли. Патріархъ возвысилъ свой голосъ противъ воровскаго заводчика Болотникова и князя Шаховскаго, разсылавшихъ грамоты отъ имени будто бы спасагося Лжедмитрія, призывавшихъ холоповъ и крестьянство добывать волю и свободу отъ тягла, бить бояръ, купцовъ и дьяковъ, отбирать имущество у боярства. Патріархъ разослалъ грамоты, объявляющія о гибели Лжедмитрія, призывающія стоять «за благочестиваго царя и поборателя по православной вѣрѣ». Онъ приказалъ духовенству всюду пѣть молебны о здравіи Богомъ вѣнчаннаго царя, и на заявленія, что Шуйскаго выбрала одна Москва, отвѣчалъ: «Изо всѣхъ городовъ на его царскомъ избраніи и поставленіи были въ то время люди многіе, и крестъ ему цѣловала вся

земля, присягала добра ему хотѣть, а лиха не мыслить. Досел[†] ни Казань, ни Астрахань, ни Новгородъ, ни Псковъ и никакіе другіе города Москвѣ не указывали, а указывала Москва всѣмъ». Отъ вора отстало городовое дворянство, и дѣло его было проиграно. Но вотъ объявляется новый воръ: Лжедимитрій II, разсылаетъ «прелестныя грамоты» по Украинѣ, Поволжью, объявляетъ волю и свободу отъ податей, всякія льготы служилымъ людямъ, подвигается къ Москвѣ, располагается въ Тушинѣ и окружаетъ столицу кольцомъ своихъ приверженцевъ. Онъ насильно захватываетъ въ плѣнъ митрополита Филарета и объявляетъ его нареченнымъ патриархомъ Московскимъ и всея Руси. Находясь въ Тушинѣ, «Филаретъ не склонялся ни направо, ни налево», совершалъ церковныя службы. Патриархъ Гермогенъ въ грамотахъ заявлялъ, что Филаретъ не своею волею, а по нуждѣ находится въ Тушинѣ и за это не порицаетъ его, а молить за него Бога.

Польскія войска новаго самозванца, казаки и русскіе измѣнники ведутъ продолжительную осаду Троицесергіевской лавры. Но царь находитъ поддержку въ новомъ патриархѣ и даровитомъ воеводѣ своемъ племянникѣ князѣ М. В. Скопинѣ-Шуйскомъ. Святитель Іовъ и Гермогенъ публично убѣждаютъ москвичей не нарушать крестнаго царю цѣлованія, усердно молятъ о соединеніи и устроении въ царствѣ. Св. Гермогенъ отвергаетъ всякія попытки свести царя Василя съ царства, заявляя, что онъ поставленъ Богомъ, никакого неистовства за нимъ не знаютъ, и вины за царемъ нѣтъ. Онъ пишетъ увѣщательныя грамоты тушинскимъ перелетамъ «бывшимъ православнымъ христіанамъ, а нынѣ, не вѣдаемъ, какъ назвать: помилуйте свои души и души родителей своихъ, вразумитесь... Преступивъ крестное цѣлованіе вы отѣхали, измѣнивъ государю, царю и всей землѣ, особенно Богу». Онъ заклиналъ ихъ отстать отъ своего начинанія, обѣщая прошеніе царское.

Собираются на сѣверѣ войска, нанимается шведскій отрядъ, они являются къ Москвѣ, и столица, Троицкій монастырь освобождены отъ Тушинскаго вора въ февралѣ 1610 г. Судьба однако немилостива къ царю Шуйскому. Польскій король задумалъ воспользоваться русской разрухой и осадилъ Смоленскъ, а народный любимецъ князь Скопинъ-Шуйскій внезапно скончался. Москва извѣрилась Шуйскому, а побѣда польскаго гетмана Жолкѣвскаго надъ русскими 10 іюля 1610 г. довершила

дѣло. Дворяне съ братьями Ляпуновыми во главѣ свели царя Шуйскаго съ престола, не смотря на протестъ патриарха Гермогена, не признававшаго и насильственного постриженія несчастнаго царя. Святитель плакалъ, увѣщевалъ, заклиналъ удержаться отъ такого злодѣянія, объясняя, что за это Богъ накажетъ Россію. Настало господство семибоярщины съ кн. Мстиславскимъ во главѣ. Начались поиски новаго царя. Титулованное боярство сначала желало кандидата изъ княжатъ, намѣтило князя В. В. Голицына, а патриархъ и народъ, и часть духовенства упорно настаивали на сынѣ митрополита Филарета Никитича Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, какъ племянникѣ царя Ѳеодора Іоанновича. Но самъ митрополитъ Филаретъ, чтобы избавиться отъ самозванщины, и смуты и споровъ за престолъ, еще въ бытность свою въ Тушинѣ, не смотря на строгій надзоръ за нимъ, сгруппировалъ вокругъ себя нѣсколько представителей боярскихъ и дворянскихъ родовъ нетитулованной знати; эта партія еще въ январѣ 1610 г. выработала проектъ приглашенія на русскій престолъ польскаго королевича Владислава при условіи ограниченія его власти боярской думой и земскимъ соборомъ, и полного сохранения самобытности и религіи Московскаго государства. Идеи этой партіи были усвоены и въ Москвѣ послѣ паденія Тушина многими боярами и дворянами. Между тѣмъ воевода Жолкѣвскій съ поляками приближался къ столицѣ, объявивъ, что идетъ спасать Россію. Приходилось остановиться на Владиславѣ, такъ какъ Тушинскій воръ, укрьпившись въ Калугѣ, тоже грозилъ походомъ на Москву, и города, не желавшіе Владислава, стали цѣловать крестъ этому вору. Собрали соборъ и 17 августа 1610 г. избрали Владислава на царскій престолъ. Князь Мстиславскій самъ пригласилъ Жолкѣвскаго въ Москву, и послѣдній въ своихъ грамотахъ объявилъ, что идетъ спасать отъ вора, уже стоявшаго въ с. Коломенскомъ, имѣвшаго во главѣ своего войска дворянина рязанскаго Захара Ляпунова. Напрасно патриархъ уговаривалъ членовъ собора отказаться отъ мысли о Владиславѣ: ему уступили лишь въ томъ, что потребовали отъ королевича принятія православія и покровительства послѣднему. Напрасно митрополитъ Филаретъ Никитичъ, скоро уяснившій себѣ тайныя желанія короля Сигизмунда и поляковъ, особенно Жолкѣвскаго, по приказу патриарха, выходилъ на лобное мѣсто и говорилъ народу: «Не прельщайтесь; мнѣ извѣстно королевское

злое умышление надъ Московскимъ государствомъ—хочетъ онъ имъ съ сыномъ завладѣть и нашу истинную христіанскую вѣру разорить, а свою латинскую утвердить». И это увѣщаніе осталось безъ дѣйствія. Тогда Гермогенъ сказалъ боярамъ: «Если королевичъ крестится и будетъ въ православной вѣрѣ, то я васъ благословляю; если же не оставитъ латинской ереси, то во всемъ Московскомъ государствѣ будетъ нарушеніе православной вѣрѣ, и да не будетъ на васъ моего благословенія». Обѣщанія Жолкѣвскаго, что «великіе бояре будутъ у короля во всякой чести и жалованіи», прельстили послѣднихъ. Послали къ польскому королю Сигизмунду особое посольство просить отпустить сына на царство и во главѣ посольства поставили митрополита Филарета, келаря Троицкой Лавры А. Палицына и кн. В. В. Голицина, чтобы удалить ихъ изъ Москвы. 27 августа 1610 г. въ Москвѣ цѣловали крестъ Владиславу, и воровскіе зачинщики съ бояриномъ Салтыковымъ во главѣ подошли въ Успенскомъ соборѣ подъ благословеніе патриарха. Послѣдній сказалъ имъ: «Если въ вашемъ намѣреніи нѣтъ обмана, и отъ вашего замысленія не произойдетъ нарушенія православной вѣрѣ, то будь на васъ благословеніе отъ всего вселенскаго собора и отъ нашего смиренія; а если скрываете лѣсть, и отъ замысленія вашего произойдетъ нарушеніе православной вѣрѣ, то да будетъ на васъ проклятіе». Съ тяжелымъ чувствомъ отпускалъ патриархъ Гермогенъ посольство. Онъ сказалъ ему пламенную рѣчь, въ которой заклиналъ пословъ проявить твердость и стойкость въ защитѣ вѣры православной. Со слезами на глазахъ клялись ему послы предпочестъ мучительную смерть измѣнѣ православію и родинѣ. Патриархъ далъ Филарету письменную программу дѣйствій и послалъ съ нимъ королю Сигизмунду и королевичу Владиславу отъ имени всѣхъ русскихъ грамоты, умолявшія королевича о вступленіи на русскій престолъ и въ православную вѣру. Послы должны были прежде всего настаивать на скорѣйшемъ пріѣздѣ Владислава въ Москву.

Сумѣлъ угодить боярамъ хитрый Жолкѣвскій, и семибоярщина, боясь самозванца, даже отдала ему ключи отъ Кремля и Китай-города, а въ придачу гетманъ получилъ и бывшаго царя Василя съ братьями и съ этимъ трофеемъ возвратился въ Польшу. Дѣло сдѣлано, и Жолкѣвскій покинулъ Москву, оставивъ въ ней свое войско подъ командой Гонсѣвскаго.

Между тѣмъ король Сигизмундъ самъ пожелалъ сѣсть на московскій столъ, и русскіе послы за упорство были подвергнуты лишеніямъ, затѣмъ отправлены плѣнниками въ Польшу. А въ Москвѣ томилаь инокиня Марѳа съ юнымъ Михаиломъ, какъ заложники. Не напрасно колебался святѣйшій патріархъ Гермогенъ приглашать королевича: боярская затѣя едва не погубила Руси и православія.

Наконецъ Богъ сжалился надъ Россіей, надъ которой излился фіалъ гнѣва Божія за отступничество и всякое воровство. Лжедимитрій II былъ убитъ въ Калугѣ крещенымъ нонгайскимъ княземъ Петромъ Урусовымъ, и его походъ на Москву и на Волгу не удался. Но Марина разрѣшилась въ Калугѣ отъ бремени сыномъ Іоанномъ. Началась агитація цѣлованія креста «проклятому Марины панны сыну», сторону котораго стали держать украинскіе, донскіе казаки съ атаманомъ Заруцкимъ и города «Юга». Появилась идея отдѣленія востока Россіи отъ Москвы подъ покровительствомъ персидскаго шаха, стала угодной ворами и казакамъ, но встрѣтила отпоръ. Русскіе люди стали сноситься, какъ бы всей землѣ соединиться противъ литовскихъ людей и воровъ. Началось соединеніе поволжныхъ ратей съ Ляпуновыми во главѣ, по призыву патріарха.

Не дремали и поляки. Сигизмундъ осаждалъ Смоленскъ. Польскій отрядъ въ Москвѣ устроилъ костель въ старомъ домѣ Бориса Годунова, оскорблялъ русскія святыни и жителей. Король Сигизмундъ сталъ разсылать отъ своего имени указы, чтобы Москва присягала ему, во всемъ полагаясь на его волю. Княжата въ Москвѣ уже приготовили было въ этомъ смыслѣ грамоту королю и поднесли ее для подписи патріарху, который во время междуцарствія былъ главою церкви и страны. Старецъ отстранилъ грамоту и произнесъ «Чтобы король далъ сына своего на Московское государство и королевскихъ людей всѣхъ выведъ изъ Москвы вонъ, и чтобы Владиславъ оставилъ латинскую ересь и принялъ греческую вѣру, къ такой грамотѣ я руку приложу и прочимъ властямъ велю приложить и васъ на то благословляю. А писать такъ, что мы всѣ полагаемся на королевскую волю, и чтобы наши послы положились на волю короля, и вамъ не повелѣваю, а если не послушаете, положу на васъ клятву: явное дѣло, что по такой грамотѣ намъ пришлось бы цѣловать крестъ самому королю». А Про-

кофью Ляпунову напишу, что если королевичъ на Московское государство не будетъ, въ православную вѣру не крестится, и литвы изъ Московскаго государства не выведетъ, то благословляю всѣхъ, кто королевичу крестъ цѣловалъ, итти подѣ Москву и помереть всѣмъ за православную вѣру». Измѣнникъ Салтыковъ началъ поносить патріарха и въ ярости замахнулся на него ножомъ, Патріархъ сказалъ ему: «Не страшусь твоего ножа, вооружаюсь на него силою креста Христова, ты же будь проклятъ отъ нашего смиренія въ сей вѣкъ и въ будущій». Кн. Мстиславскому онъ прибавилъ: «Твое дѣло начинать и пострадать за христіанскую вѣру; если же прельстишься на дьявольскую прелесть, то переселитъ Богъ корень твой отъ земли живыхъ».

В. Салтыковъ бросается на святителя съ ножомъ.

Бояре послали грамоту только за своей подписью; но русскіе послы, не видя въ ней подписи патріарха и всего освященнаго собора, отказались повиноваться ей, заявивъ панамъ: «Мы теперь стали безгосударны, и патріархъ у насъ человѣкъ начальный; безъ патріарха теперь ни въ какомъ дѣлѣ совѣтовать не пригоже. Когда мы на Москвѣ были, то безъ патріархова вѣдома никакого дѣла бояре не дѣлывали, обо всемъ съ

нимъ совѣтывались, и отпуская насъ патриархъ вмѣстѣ съ боярами, да и въ вѣрующихся грамотахъ и въ наказѣ и во всякихъ дѣлахъ въ началѣ писалъ у насъ патриархъ, и потому намъ теперь безъ патриарховыхъ грамотъ, по однимъ боярскимъ нельзя дѣлать». И пришлось посламъ отправиться въ плѣнъ въ Польшу, а Сигизмундъ рѣшилъ дѣйствовать оружіемъ. Святитель Гермогенъ теперь не смолкалъ; онъ призывалъ къ себѣ всякихъ людей и открыто заявлялъ: «Если королевичъ не крестится въ христіанскую вѣру, и всѣ литовскіе люди не выйдутъ изъ московской земли, то королевичъ намъ не государь».

Это же онъ писалъ и въ грамотахъ во многіе города. И стали русскіе переписываться, чтобы подняться на защиту вѣры и отчины.

На голосъ святого старца первые откликнулись смоленцы (въ январѣ 1611 г.), просили не вѣрить королю и полякамъ, предающимъ въ Смоленской области церкви православныя на поруганіе; сеймъ польскій положилъ овладѣть Московскою землею и опустошить ее; посему братья всего Московскаго государства, если хотятъ остаться православными, должны соединиться и прогнать поляковъ. Получивъ эту грамоту москвичи стали сноситься грамотами по разнымъ городамъ и приывать на защиту Москвы, гдѣ корень царства, заявляя, что за измѣнникомъ Салтыковымъ и другими идутъ немногіе, что святѣйшій патриархъ Гермогенъ прямъ, какъ пастырь, душу свою положить за вѣру христіанскую несомнѣнно, а за нимъ, идутъ всѣ православные христіане. И стали города сговариваться. Нижегородцы писали въ Вологду: «27 января писали къ намъ изъ Рязани воевода Прокопій Ляпуновъ и дворяне и всякіе люди рязанской области, что они по благословенію святѣйшаго Гермогена, собравшись со всѣми сѣверными и украинными городами и съ Калугою, идутъ на польскихъ и литовскихъ людей къ Москвѣ, и намъ бы итти. И мы, по благословенію и приказу святѣйшаго Гермогена собравшись со всѣми людьми, изъ Нижняго идемъ къ Москвѣ и съ нами многіе ратные люди разныхъ окольныхъ и низовыхъ городовъ». Составилось ополченіе подъ предводительствомъ дворянина П. Ляпунова. Къ нему примкнули казаки подъ начальствомъ кн. Трубецкаго и Заруцкаго, оставшіе отъ Тушинскаго вора. Земская рать осадила Москву и ляховъ.

Народное движеніе испугало семибоярщину и поляковъ въ Москвѣ. Салтыковъ съ сообщниками пришелъ къ патриарху и сказалъ: «Ты писалъ по городамъ и велѣлъ итти къ Москвѣ а теперь напиши, чтобы не ходили». Святитель отвѣтилъ: «Напишу, чтобы возвратились, если ты и всѣ находящіеся съ тобою измѣнники и королевскіе люди выйдете вонъ изъ Москвы; если же не выйдете, то благословляю всѣхъ довести начатое дѣло до конца, ибо вижу поправление истинной вѣры отъ еретиковъ и отъ васъ, измѣнниковъ, и разореніе св. божіихъ церквей, и не могу больше слышать пѣнія латинскаго въ Москвѣ». Къ патриарху приставили стражу, чтобы къ нему никого не допускать, но онъ сносился чрезъ вѣрныхъ людей. Въ Вербное воскресенье выпустили святителя изъ-подъ стражи, чтобы онъ совершилъ торжественное шествіе на ослати; по площадямъ стояли ляхи и нѣмцы, а русскихъ не допустили. На страстной седмицѣ ляхи устроили рѣзню съ русскими ратниками, забравшимися въ московскія слободы подъ начальствомъ кн. Д. Пожарскаго, но были отброшены изъ Бѣлаго города, заперлись въ Кремль и Китай-городъ и зажгли городъ, кромѣ Кремля и Китай-города; королевскіе люди и русскіе воры свели Гермогена съ патриаршаго престола и заключили въ кремль подъ стражу, «аки птицу въ заклѣпѣ». «У него дѣяки и подъячіе и всякіе дворовые были пойманы, а дворъ его весь разграбленъ». Москвичи оповѣстили города о возмутительномъ гоненіи на святителя; это очень возбудило русское населеніе, и П. Ляпуновъ послалъ грамоту «къ боярамъ о патриархѣ, о мірскомъ гоненіи и о тѣснотѣ». Грамота напугала бояръ. «Патриарху стало быти повольнѣе, и дворовыхъ людей ему немногихъ отдали». Но ненадолго это было сдѣлано. Въ понедѣльникъ на святой недѣлѣ 100 т. русскихъ подошли къ стѣнамъ Бѣлаго города и осадили поляковъ; послѣдніе стали терпѣть нужду. Салтыковъ и Гонсѣвскій не разъ съ говорили святителю: «Вели ратнымъ людямъ подъ Москвою итти прочь, а если не послушаешь насъ, то велимъ уморить тебя злою смертію». Старецъ отвѣчалъ: «Все смирится, когда ты, измѣнникъ, съ своею литвою исчезнешь. Что вы мнѣ угрожаете? Единаго я Бога боюсь. Вы обѣщаете мнѣ злою смерть, а я надѣюсь чрезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду. Если вы всѣ, литовскіе люди, пойдете изъ Московскаго государства, я благословляю русское ополче-

ніе итти отъ Москвы, но если останетесь здѣсь, я благословляю всѣхъ стоять противъ васъ и помереть за православную вѣру». И остались измѣнники ни съ чѣмъ.

Къ сожалѣнію, русское ополченіе, подъ предводительствомъ Ляпунова, ссорилось съ казаками подъ предводительствомъ Заруцкаго и князя Трубецкаго. Заруцкій думалъ о воровствѣ: онъ рѣшилъ отвести казаковъ, заведя сношенія съ Мариной, задумалъ посадить на русскій престолъ ея сына Іоанна. Это тѣмъ болѣе было возможно, что нелюбовь къ полякамъ заставляла русскихъ склоняться на сторону сына самозванца. Подбитые атаманомъ казаки убили Ляпунова. Ополченіе пришло въ разстройство, многіе ратные люди ушли по домамъ, остальные продолжали осаду, но не могли взять города. Казаки вновь принялись за свое воровство. Услышавъ объ этомъ, святитель не преминулъ въ августѣ 1911 г. написать изъ своего заключенія грамоту въ Нижній, послалъ ее съ Ратманомъ Пахомовымъ и свѣяжениномъ Родіономъ Моисеевымъ съ наказомъ: «Пишите въ Казань къ митрополиту Ефрему, пусть пошлетъ въ полки къ боярамъ и къ казацкому войску учительную грамоту, дабы они стояли крѣпко за вѣру и не принимали Маринкина сына на царство—не благословляю. Да и въ Вологду пишите къ властямъ о томъ, и къ Рязанскому владыкѣ: пусть пошлетъ въ полки учительную грамоту къ боярамъ, чтобы унимали грабежъ, сохранили братство, и какъ обѣщались положить души свои за домъ Пресвятой и за чудотворцевъ и за вѣру, такъ бы и совершили. да и во всѣ города пишите, что сына Маринки отнюдь не надо на царство; присылать же ко мнѣ прежнихъ, коихъ присылали, Р. Пахомова и Р. Моисѣева; вездѣ говорите моимъ именемъ». Вотъ какъ откликнулась Казань на тотъ призывъ. Казанцы писали пермичамъ: «Подъ Москвою промышленника и поборника по христовой вѣрѣ противъ литовскихъ людей и русскихъ воровъ П. П. Ляпунова казаки убили, преступя крестное пѣлованіе. Митрополитъ и мы всѣ люди Казанскаго государства согласились съ Н.-Новгородомъ и со всѣми городами поволжными, съ горными и луговыми, и съ татарами и съ черемисою, чтобы намъ всѣмъ въ совѣтъ и соединеніи быть и за Московское и Казанское государства стоять». Слѣдующимъ образомъ откликнулась на смерть Ляпунова народная пѣсня:

«Убили злы измѣнники воеводушку,
Того ли воеводу Прокофья Ляпунова.
Какъ и двинулись думы воеводы съ большихъ городовъ:
Все большіе города: *Казань, Нижній*, пришли съ войскомъ
сюда,

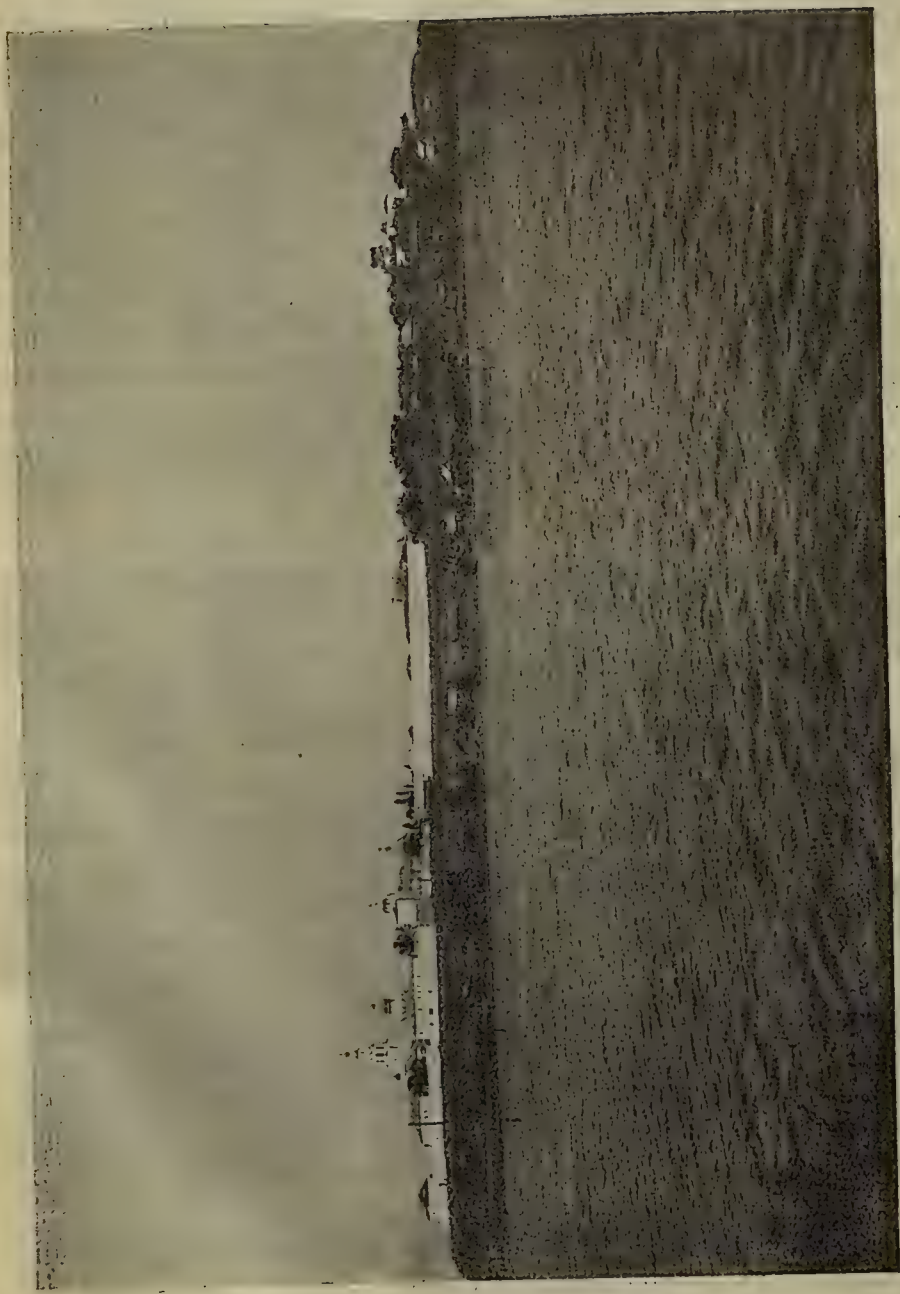
Какъ и начали литву колоть-рубить,
Нечестиваго Гужмунда веревкой душисть.
Нечестивое плѣмя изъ Москвы повыгнали.
И тѣмъ городамъ великая слава».

Между тѣмъ измѣнники бояре, заключивъ патріарха Гермогена, вывели изъ Чудова монастыря прежняго патріарха Игнатія, лишеннаго сана, и онъ въ день Пасхи (24 марта 1611 г.) служилъ имъ въ Успенскомъ соборѣ литургію. Гермогенъ былъ брошенъ въ темницу Чудова монастыря, его держали подъ строгою стражею, морили голодомъ, питая хлѣбомъ съ водою, никого къ нему не пускали. Сюда-то спускался къ нему Гонсѣвскій съ угрозами: «Ты, Гермогенъ главный заводчикъ всего возмущенія. Тебѣ не пройдетъ это даромъ. Не думай, что охранить тебя твой санъ». Но великій казанецъ открыто шелъ на мученичество за родину. И 17 февраля 1612 г., пробывъ болѣе 9 мѣсяцевъ въ заключеніи, скончался страдалецъ за вѣру и землю, по однимъ свѣдѣніямъ былъ уморенъ голодомъ, по другимъ задохся отъ зноя, а по польскимъ извѣстіямъ былъ удушенъ.

Но зерно горчичное, умерши, многъ плодъ сотворило: совершилось великое начинаніе святителя: разруха кончилась. Какъ только разнеслась вѣсть о сожженіи Москвы и заключеніи патріарха измѣнниками и литвою, началось новое земское движеніе, во главѣ котораго стала Троицкая Лавра. Ея настоятелемъ былъ ставленникъ Гермогена архимандритъ Діонисій, его любимецъ за умъ, благочестіе и вѣрность долгу. Діонисій почти постоянно находился при Гермогенѣ, участвовалъ въ его совѣтахъ, ратовалъ съ нимъ за царя Шуйскаго; въ началѣ 1610 г. ему поручена была обширная и богатѣйшая обитель. Другимъ помощникомъ патріарха былъ келарь той же лавры Авраамій Палицынъ, въ мірѣ Аверкій, потомокъ древней литовской фамилии, дворянинъ, жившій около Ростова въ селѣ Протасевѣ. Въ 1588 г. Аверкій Ивановичъ повергся опалѣ, былъ сосланъ въ Соловки, откуда въ 1594 г. уже монахомъ вмѣстѣ съ другими старцами былъ отосланъ въ Сер-

гивъ Троицкій монастырь. Его имѣнье было взято въ казну. Въ 1601 г. мы видимъ Палицына уже въ Свѣжскомъ Сергіевомъ монастырѣ, зависѣвшемъ отъ Троицкой Лавры. Онъ былъ здѣсь старцемъ, несъ административныя должности, принималъ участіе въ построеніи въ монастырѣ каменнаго собора, былъ лично извѣстенъ святителю Гермогену въ бытность его казанскимъ митрополитомъ. Несомнѣнно дѣятельность Авраамія въ Свѣжскомъ монастырѣ была настолько замѣтна, что его въ 1608 г. перевели прямо въ келари Троице-Сергіевой обители, т. е. сдѣлали вторымъ лицомъ послѣ архимандрита. Онъ вѣдалъ теперь все монастырское устройство, доходы и расходы, вотчины, хозяйство, администрацію монастыря. Сдѣлавшись келаремъ, Авраамій долженъ былъ войти въ близкія отношенія съ патріархомъ и даже государемъ. Ему было лѣтъ около 55. Во время осады Троицесергіевой обители Сапѣгою и Лисовскимъ Авраамій находился въ Москвѣ, дѣйствовалъ въ пользу государя Василія Шуйскаго; склонялъ царя и бояръ оказать помощь осажденному монастырю и въ тоже время особыми грамотами поддерживалъ духъ осажденныхъ.

Особенную услугу оказалъ старецъ Авраамій, когда Москва была осаждена тушинцами, и въ столицѣ вздорожалъ хлѣбъ. По приказу святѣйшаго Гермогена А. Палицынъ открылъ богатые московскія житницы Троицкаго монастыря, и «бысть радость въ міру и болѣзнь житопродавцемъ». Участвовалъ келарь Авраамій и въ посольствѣ къ королю Сигизмунду, какъ представитель богатаго Троицкаго монастыря, и поднесъ королю «кубокъ серебряный, двойчатый золоченый, атласъ золотой и 40 соболей». Но скоро келарь увидѣлъ, что посольство къ королю «бездѣльно бысть», рѣшился возвратиться въ Москву; для этого онъ, Сукинъ, Сыдовой, три члена посольства, «не отъ желаннаго сердца» заявили, что отдають все дѣло на волю Сигизмунда, и, обласканные имъ, «откупся», 12 декабря 1610 г. уѣхали домой, но уже на дорогѣ проявили раздраженіе противъ поляковъ; явившись въ Москву, выяснили патріарху истинныя намѣренія короля, и заявили, что хотятъ стоять съ москвичами за вѣру. И дѣйствительно, какъ только святитель былъ заключенъ въ Чудовомъ монастырѣ, его ставленники Діонисій и Авраамій начинаютъ укрѣплять обитель и разсылать призывныя «грамоты поучительныя и во вся грады измѣнническіе». Отъ такихъ грамотъ «во, умиленіе приходяще», явилось второе опол-

Г. С в і я ж с к ь.

чение и осадило Москву. Діонисій съ келаремъ Аврааміемъ, «паки неусыпно промышляюще и пишуще грамоты во вся грады верховные и понизовные, моляше ихъ, да изыдутъ на заступленіе Московскому государству, исполняя волю отцемъ отца, святѣйшаго Гермогена, второго великаго Златоуста, исправляющаго несомнѣнно безъ всякаго страха слово Христовой истины». Такихъ грамотъ полностью извѣстно нынѣ три: одна написана въ іюль 1612 г., другая 6 октября 1611 г., а третья въ апрѣль 1611 г. Всѣ онѣ имѣли большое значеніе въ дѣлѣ освобожденія страны отъ разрухи. «Помяните и смилуйтесь надъ видимою общемою смертною погибелью, говорили эти грамоты, такъ пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканья спѣшатъ къ Москвѣ на сходъ къ боярамъ и воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что что всякому дѣлу одно время, безвременное же начинаніе суетно бываетъ. Хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія, ради Бога отложите ихъ на время, чтобы вамъ сообща потрудиться для избавленія православной вѣры, пока врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это поскорѣе»... Принималъ Палицынъ и непосредственное участіе въ ополченіи Ляпунова, стараясь примирить враждующихъ воеводъ и укрѣпить «отъ божественныхъ писаній». Старецъ былъ членомъ въ ратномъ совѣтѣ ополченія и его «приговорахъ всей земли», засѣдалъ на извѣстномъ ратномъ соборѣ 29—30 іюня 1611 г., давшемъ въ ополченіи перевѣсъ служилымъ людямъ, и за это казаки чрезъ мѣсяцъ убили Ляпунова, считая его виновникомъ униженія казачества. Неудача въ этомъ не ослабила троичскихъ властителей, Они вновь цинялись за писаніе грамотъ и въ Казань, и въ Нижній, и въ понизовые города, и въ поморіе о немедленной присылкѣ ратныхъ людей и казны, и Казанцы съ мая 1611 г. стали цѣловать крестъ, быть со всею землею въ соединеніи и любви и итти очищать Московское государство; за ними послѣдовали Свияжскъ, Чебоксары и Понизовье. «Того же 1611 года въ мѣсяцъ іюль изъ Казани пришелъ въ Москву бояринъ В. П. Морозовъ, а съ нимъ пришли казанцы и свияжане и казанскихъ пригородовъ дворяне и дѣти боярскіе и головые стрѣлцкіе съ стрѣльцами служилые князьи, мурзы и татаровя и пришедъ пошли приступать къ новодѣвичью и монастырь взяли». Ополченіе принесло съ собою и казанскую

икону Божіей Матери, благословеніе Казанскаго митрополита Ефрема, отправившаго ополченіе къ Москвѣ.

По словамъ самого Палицына «Казанскаго государства и всѣхъ понизовыхъ и поморскихъ городовъ бояре, воеводы и служилые люди придоша подѣ царствующій градъ Москву и сотвориша польскимъ и литовскимъ людямъ велику тѣсноту». Такимъ образомъ казанцы участвовали въ ополченіи Ляпунова. Съ убіеніемъ Прокофія Ляпунова казаками за освобожденіе Москвы ратовали оставшіяся ополченцы, князь Трубецкой и Заруцкій съ казаками да Діонисій съ Палицынымъ. Монастырь сталъ снабжать земское ополченіе снарядами и хлѣбомъ. Снова архимандритъ Діонисій и Авраамій Палицынъ написали призывныя грамоты для сбора ратныхъ людей. Одна изъ такихъ окружныхъ грамотъ въ 1611 г. пришла въ Нижній, возбудила нижегородцевъ, во главѣ которыхъ сталъ протопопъ Спасскаго собора Савва, земскій староста говядаръ Козьма Мининъ, а пред-

Козьма Мининъ говоритъ Нижегородцамъ.

водителемъ рати былъ приглашенъ князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, бывшій воеводою въ ополченіи Ляпунова и теперь лѣчившійся отъ ранъ, полученнымъ при сраженіи съ ляхами въ Москвѣ въ Бѣломъ городѣ на страстной недѣлѣ 1611 г.

Жители Н. Новгорода уже были къ этому приготовлены въ августѣ 1911 г. призывными грамотами святителя Гермогена не принимать на царство сына Марины и призывать города въ походъ къ Москвѣ. Они узнали и о замыслахъ Заруцкаго посадить на московскій престолъ сына Марины и единодушно стали противъ нихъ. Изъ Нижняго послали грамоты въ Казань, Коломну и по всему поволжью. Собирая своею окруженною грамотою людей и деньги, нижегородцы, слѣдуя завѣту св. Гермогена, писали городамъ, приглашая ихъ: «съ ними быти въ одномъ совѣтѣ и ратнымъ людямъ на польскихъ и литовскихъ людей итти вмѣстѣ, чтобы казаки попрежнему рати своимъ воровствомъ, грабежи, и иными воровскими заводы не разогнали». Значитъ, объявлялось отдѣленіе ополченія отъ казачества въ дѣлѣ освобожденія страны отъ враговъ. Казанцы писали въ Пермь, чтобы быть всѣмъ въ совѣтѣ и соединеніи за государство стоять, новыхъ начальствъ и казаковъ въ города не пускать; если они станутъ выбирать государя, не сославшись со всею землею, того государя не принимать, за Московское и за Казанское государства стоять. Троицкія грамоты еще болѣе подвинули дѣло, и ополченіе подъ предводительствомъ кн. Пожарскаго выступило изъ Нижняго въ февралѣ 1612 г., собиралось въ Ярославль, гдѣ простояло 5 мѣсяцевъ и лишь къ 20 августа пришло къ Москвѣ. Въ Ярославль явились и казанцы подъ предводительствомъ нижегородскаго посла, стряпчаго Биркина, головы Мясного, 20 инородческихъ князей и стрѣleckаго сотника Нефлова. Въ Ярославль въ ополченіи была и казанская икона Богоматери, бывшая дотолѣ съ казанцами въ ополченіи Ляпунова. Однако Биркинъ, сторонникъ дьяка Никанора Шульгина, съ приверженцами своими разсорился съ начальными людьми ополченія и ушелъ, такъ какъ ему не дали «старѣйшества надъ ратными людьми». Остальные казанцы остались въ единеніи съ земскимъ ополченіемъ. Пока земщина стояла у Ярославля, набираясь силами, на Русь надвигалась новая бѣда: въ Псковѣ явился новый воръ Сидорка, назвавшій себя Дмитріемъ; а новгородцы задумали пригласить къ себѣ шведскаго королевича Филиппа. Псковскій самозванецъ разослалъ свои грамоты. Троицкія власти снова увѣщевали города не принимать «вора Митюшку», «оплевали его грамоты»; а когда князь Трубецкой и Заруцкій своровали: пристали къ псковскому само-

званцу, Діонисій и Авраамій и кн. Пожарскій увѣщевали города не вѣрять казакамъ. Въ виду сказанныхъ обстоятельствъ Діонисій и Палицынъ звали ополченіе къ Москвѣ на-спѣхъ, такъ какъ въ оставшейся земской рати «подъ Москвою вси отъ глада изнемогающе», да и въ находившихся здѣсь казацкихъ таборахъ шла рознь и всякаго рода насилія. Два раза посылали они соборныхъ старцевъ къ кн. Пожарскому, укоряли его, что онъ «косно и медленно о шестви помышляше, смутныхъ ради нѣкихъ междоусобныхъ словесъ». Дѣло въ томъ, что казаки уже замыслили убить кн. Пожарскаго, подослали убійцу, но тотъ убилъ стоявшаго рядомъ съ княземъ человѣка. Поэтому ратный совѣтъ и выжидалъ, когда казаки уйдутъ изъ-подъ Москвы, что дѣйствительно Заруцкій и сдѣлалъ. Земскій соборъ при ополченіи или «совѣтъ всей земли» производилъ въ Ярославлѣ усиленное накопленіе ратныхъ силъ и средствъ. Наконецъ князь ожидалъ для сопровожденія ополченія игумена Исаію, посланнаго въ Казань къ митрополиту Ефрему на посвященіе въ митрополиты Сарскіе и Подонскіе по «совѣту всей земли». Но вотъ самъ келарь явился въ Ярославль и довольно «поучилъ отъ божественныхъ писаній» князя Дмитрія Пожарскаго и Кузьму Минина. Ополченіе подъ благословеніемъ казанской иконы Божіей Матери двинулось наконецъ изъ Ярославля 14 августа, а 18 августа выступило изъ Троицкаго монастыря въ сопровожденіи самого Авраамія, увѣщевавшаго воеводу не бояться казаковъ кн. Трубецкого, тѣмъ болѣе, что Заруцкій съ 2000 казаковъ ушелъ отъ Москвы въ Калугу, здѣсь захватилъ Марину съ воренкомъ, остановился съ ними въ г. Михайловѣ. Ополченію пришлось прежде всего биться съ войсками гетмана Ходкевича, пришедшаго къ Москвѣ выручать польскій гарнизонъ. Казаки Трубецкого недружелюбно встрѣтили земскую рать, не желали заодно съ нею биться противъ поляковъ. Опять явился на выручку Палицынъ. Искусною рѣчью онъ склонилъ казаковъ кн. Трубецкого дѣйствовать заодно съ ополченіемъ, и Хоткевичъ былъ отброшенъ къ Волоколамску. Нужно было промыслить и надъ сидѣвшею въ Кремлѣ литвою, а между тѣмъ между ополченіемъ и казаками, между ихъ воеводами опять пошли раздоры изъ-за первенства. Снова пришлось Діонисію и Авраамію писать «Посланіе двѣма Дмитріемъ о соединеніи и любви», уговаривать казаковъ не уходить изъ-подъ столицы,

объщать имъ тысячу рублей въ жалованіе, привезти казакамъ монастырскую ризницу и утварь въ залогъ того, что они уплатятъ эти деньги. При содѣйствіи А. Палицына приговорили всею ратью, что Пожарскій и Мининъ не будутъ ѣздить въ казакіе таборы, а будутъ съѣзжаться съ кн. Трубецкимъ на Неглинной. До городовъ дошли слухи о раздорахъ въ ополченіи. По настоянію келаря разослали по городамъ грамоты съ извѣщеніемъ: «Были у насъ, де, разряды разные, а теперь мы, Трубецкой и Пожарскій, по челобитью и приговору всѣхъ чиновъ людей, стали заодно и укрѣпились, всякія дѣла дѣлаемъ заодно и надъ московскими сидѣльцами промышляемъ»...

22 октября былъ взятъ Китай-городъ, а 26—Кремль; Діонисій и Авраамій торжественно вошли въ Кремль и на лобномъ мѣстѣ отслужили благодарственный молебенъ предъ Владимирской и Казанской иконами Богоматери. Поляки попали въ плѣнъ, а король польскій Сигизмундъ, узнавъ объ освобожденіи столицы, ушелъ изъ русскихъ предѣловъ, предоставивъ королевичу Владиславу самому добывать себѣ престолъ московскій. Изъ кремля съ боярами былъ освобожденъ и Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ матерію инокинею Мареою; они уѣхали въ с. Домнино, а отсюда въ Костромской Ипатьевскій монастырь, учрежденный мурзой Четомъ, предкомъ царя Б. Годунова, подаренный Романовымъ Лжедмитріемъ I-мъ за страданія отъ Годунова.

Былъ собранъ въ Москвѣ земскій соборъ, на которомъ обнаружилось, что народъ и казаки пожелали видѣть царемъ боярина Михаила Ѳеодоровича Романова. Прежде всего на соборѣ было рѣшено отказаться отъ иностранныхъ кандидатовъ, о чемъ мечтали бояре. Далѣе искали «прирожденного государя» въ великихъ родахъ. Были выставлены кандидатами кн. В. В. Голицынъ, Воротынскій, В. И. Шуйскій, кн. Д. М. Пожарскій; но *Гласъ Божій* чрезъ гласъ народа объявилъ собору природного государя: представители низшихъ сословій: дворяне, дѣти боярскіе, купцы, атаманы, казаки, посѣтили келаря и открыли старцу Авраамію свое желаніе видѣть царемъ «братанича блаженного царя Ѳеодора» Михаила Романова, родъ котораго такъ былъ любимъ народомъ. Заплакалъ старецъ, похвалилъ за благое намѣреніе и объявилъ его боярству. На самомъ засѣданіи о томъ же письменно заявилъ собору какой-то галицкій дворянинъ да донской казакскій ата-

манъ подалъ письменное заявленіе «о природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ». Запросили города, которые всѣ высказались за М. Ѳ. Романова. 21 февраля при участіи Авраамія произошло единогласное избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство. Келарь былъ и на лобномъ мѣстѣ въ числѣ лицъ, возвѣщавшихъ народу о рѣшеніи собора, и имѣлъ счастье услышать гласъ народа: «Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ да будетъ Царь-государь Московскому государству и всей Россійской державѣ». Отслужили въ Успенскомъ соборѣ молебенъ о здравіи избраннаго царя и принесли ему присягу. Келарь былъ въ числѣ служившихъ и цѣловалъ крестъ избранному царю. Палицынъ былъ и 14 марта въ числѣ пословъ къ юному Михаилу для призванія его на царство, во исполненіе соборнаго рѣшенія; онъ взялъ образъ московскихъ святителей, а архіепископъ рязанскій Ѳеодоритъ Ѳеодоровскую икону Богоро-

Ѳеодоровскій монастырь въ Казани.

дицы, оба встали предъ инокинею Мареою и сыномъ ея Михаиломъ и сказали: «Смотри, государыня Марѳа, и ты, царь Михаилъ! не даромъ шла сюда съ нами чудотворная икона Богородицы и образъ великихъ святителей; если вы насъ не хотите слушать, то не осмѣливайтесь ослушаться Богородицы и великихъ святителей, но исполняйте волю Божию; отъ Бога

избранъ ты, Михаилъ, и не гнѣвай Владыку всѣхъ!» Въ яркой картинѣ нарисовали они, какъ иностранные государи воспользуются русскимъ безнарядьемъ, и погибнетъ государство, а съ нимъ вѣра и народъ. Тогда послѣдовало согласіе, и царь Михаилъ послѣ благословенія приложился къ св. иконамъ, принявъ отъ архіепископа Ѳеодорита царскій посохъ, какъ знакъ власти. Отслужили молебенъ о многолѣтн новаго царя, послѣ чего всѣ подошли къ царской рукѣ.

«И бысть радость велия».

Участвовалъ доблестный старецъ въ шествіи царя изъ Костромы въ Москву, во встрѣчѣ царя предъ воротами Троицкой обители, въ царскомъ вѣнчаніи 11 іюля; имъ наконецъ была подписана и избирательная грамота.

Послѣдніе годы своей жизни Палицынъ принималъ живое участіе въ земскихъ соборахъ; ему снова приходилось защищать Троицкій монастырь, но уже отъ польскихъ полчищъ королевича Владислава. Въ память Деулинскаго перемірiя старецъ по обѣщанію поставилъ церковь св. Сергія въ Деулинѣ; онъ участвовалъ въ государевомъ дѣлѣ: исправленіи книжномъ, а въ 1620 г. старецъ въ преклонныхъ годахъ по желанію удалился въ Соловки, гдѣ прожилъ еще 7 лѣтъ «по трудѣхъ на покоѣ», скончался 13 сентября 1627 г. и былъ по царскому приказу съ честью похороненъ вблизи Преображенскаго собора.

Конечно, Палицына нельзя сравнить съ святителемъ Гермогеномъ: память о послѣднемъ безсмертна; это спаситель отечества, «противъ враговъ крѣпкій и не побѣдимый стоятель, твердый адамантъ и крѣпкій поборникъ по православнои истинной вѣрѣ, новый исповѣдникъ и второй великій Златоустъ, исправляющій несомнѣнно безо всякаго страха слова Христовы, истины обличитель на предателей и разорителей христіанскія вѣры». Но и заслуги Палицына, бывшаго старца свѣяжскаго монастыря, что въ Казанскомъ краѣ, послушника и сподручника великаго казанца святѣйшаго Гермогена, достойны вѣчной памяти казанцевъ.

Казанскіе люди въ началѣ смуты очень слабо отзывались на политическія событія страны, держась въ сторонѣ до самаго паденія царя Шуйскаго, присягу которому они крѣпко держали. Правда, до Казани уже доходили прелестные листы Тушинскаго вора,

но Казань молчала. Дѣло въ томъ, что русской земщины въ краѣ было мало; она была связана съ Москвою лишь начальными и приказными людьми, стрѣльцами да пушкарями, испомѣщенными въ пригородныхъ волостяхъ немногими дворянами да дѣтьми боярскими, кучкою русскихъ посадскихъ людей. Мѣстная инородческая масса жила своею жизнью, знала лишь отвлеченную Москву да казанскихъ воеводъ. Движеніе въ краѣ началось лишь съ появленіемъ здѣсь набѣжавшихъ при Лжедмитріи I сторонниковъ возставшихъ крестьянъ и холоповъ да казаковъ. Появился воръ Илейка, незаконный сынъ вдовы муромскаго торговаго человека Юрьевой, (а по словамъ Палицына бывшій холопъ свѣжскаго стрѣлецкаго головы Г. Ела-

Казанская крѣпость.

тина), объявившій себя сыномъ царя Θεодора Іоанновича царевичемъ Петромъ, ѣхавшимъ къ дядѣ Лжедмитрію I по приглашенію послѣдняго; прожилъ 10 недѣль въ Казани «въ Ярославскомъ концѣ, на посадѣ у посадскаго человека Ивашки Волоченина», разгуливалъ потомъ на стругахъ по Волгѣ, былъ около Свѣжска, а со смертію Лжедмитрія I скрылся въ низовое Поволжье. Далѣе прелестные листы Болотникова и Тушинскаго вора оказали нѣкоторое вліяніе: въ Казани явились сторонники Тушинскаго вора среди приказнаго люда въ лицѣ хитраго и пронырливаго дьяка Никанора Шульгина, его товарища Дичкова. Тогда на арену дѣятельности выступилъ

казанскій митрополитъ Ефремъ, ставленникъ святѣйшаго патріарха Гермогена.

Такимъ образомъ мы приступаемъ къ обзорѣнїю дѣятельности третьяго лица, имѣющаго отношеніе къ казанскому краю. Этимъ третьимъ выдающимся дѣятелемъ въ эпоху лихолѣтя, прямымъ помощникомъ отца отечества великаго казанца патріарха Гермогена является дитя его сердца казанскій митрополитъ Ефремъ, съ 3 іюля 1606 г. ставшій казанскимъ архипастыремъ. Первые труды этого митрополита начались въ Спасопреображенскомъ монастырѣ подъ непосредственнымъ руководствомъ его

Спасо-Преображенскій монастырь въ Казани.

предшественника, великаго Гермогена, властною рукою державшаго въ краѣ бразды правленія; къ голосу этого владыки сильно прислушивались казанскіе воеводы. Онъ руководилъ Казанью и изъ Москвы. Митрополиту Ефрему нужно было лишь слѣдовать по стопамъ своего учителя.

Казанцы послѣ Лжедмитрія I присягнули царю Василю Шуйскому. Но вотъ въ Свѣяжскѣ появляются «воры и богоотступники» и склоняютъ горожанъ присягать Лжедмитрію II. Они привезли даже крестоцѣвальную запись. Не устояли свѣяжцы противъ «звѣрохишнаго яда» и цѣловали крестъ по этой воровской записи. Борьбу съ крамолой тогда приняла на себя духовная власть въ лицѣ митрополита Ефрема. Владыка чест-

но исполнилъ долгъ пастыря и гражданина. Онъ въ 1607 г. подвергъ церковному отлученію свѣяжцевъ, запретивъ «приниженія церквамъ Божиимъ отъ нихъ принимать». Это запрещеніе воздѣйствовало: простодушные жители Свѣяжска признались, что «омрачились прелестію», со слезами просили прощенія у митрополита и поклялись быть непоколебимо вѣрными избранному въ Москвѣ царю Василию Ивановичу Шуйскому, били челомъ о прощеніи царю Василию и патріарху Гермогену. Патріархъ Гермогенъ отвѣтилъ на это митрополиту: «Великій государь по своему царскому обычаю и по нашему прошенію отдалъ имъ, свѣяжанамъ, вины ихъ, да и мы соборне прощаемъ и разрѣшаемъ ихъ». Одобряя дѣйствія митрополита Ефрема противъ «прелести вражей», онъ совѣтуетъ Ефрему «оберегать накрѣпко Казань отъ смуты, чтобы люди Божіи не погибали душою и тѣломъ». «Да накрѣпко смотрѣть бы за попами, чтобы въ нихъ воровства не было: особенно за тремя казанскими: Софійскимъ, Покровскимъ и Ирининскимъ. Только они не перемѣняютъ своихъ обычаевъ — и имъ въ попахъ не быть». У митрополита Ефрема въ Казанскомъ Спасскомъ монастырѣ въ 1608 г. нашель себѣ убѣжище прахъ много пострадавшаго отъ Лжедмитрія I-го астраханскаго архіепископа. Феодосія, скончавшагося въ 1606 г. на пути изъ Москвы въ Астрахань. Тѣло находилось въ Царицынѣ до осени 1608 г. и было привезено въ Казань бояриномъ Шереметевымъ. Владыка Ефремъ самъ погребаль тѣло скончавшагося архіепископа, св. мощи котораго въ 1617 г. были перенесены въ Астрахань. Подъ руководствомъ митрополита Ефрема Казань твердо держалась царя Шуйскаго до самаго сведенія его съ престола, хотя въ предѣлахъ Казанскаго края уже появились мятежныя шайки среди инородцевъ свѣяжскаго, чебоксарскаго, козьмодемьянскаго уѣздовъ, разбитыя 22 декабря 1608 г. воеводою Шереметевымъ подъ Чебоксарами и Свѣяжскомъ, положившимъ массу мятежныхъ инородцевъ, трупы которыхъ валялись на протяженіи семи верстъ; люди Шереметьева топтали и кололи мятежниковъ, «что свиней». Въ Казани пѣли молебны со звономъ и многолѣтіемъ царю Василию. Воровскіе мурзы Бибай и Перепердѣй бросились за Волгу въ черемису, захватили Яранскъ и Санчурскъ и Царевъ, нынѣ Царевококшайскъ, заставили жителей цѣловать крестъ самозванцу. Изъ Казани отправили на выручку войско въ 2300 человекъ, и «учало оружіе гово-

Г. Петрококшайскъ.

рители под Царевымъ»; самая и смута была задержана. Въ составъ этой рати, дѣйствовавшей противъ забѣжавшихъ изъ Арзамасскаго края воровъ, находились, кромѣ стрѣльцовъ, вѣрные Москвѣ черемисы подъ командою черемисскаго сотника Хозя. Въ составъ возставшихъ вошли по одному человѣку «сѣдыма», набранные ворами въ черемисскихъ волостяхъ. Побито было и скопище заокскихъ бунтовщиковъ, явившихся въ свѣяжскій уѣздъ именно 10 мая 1609 г. у села Бурундуковъ.

Казанскій митрополитъ въ эпоху лихолѣтя принималъ участіе въ управленіи дѣлами «всей земли Царства Казанскаго». Окруженный слабохарактернымъ воеводою Морозовымъ, дьякомъ Шульгинымъ и Дичневымъ, сносившимися съ нижегородскимъ стряпчимъ Биркинымъ, преосвященный Ефремъ накрѣпко удерживалъ казанцевъ въ вѣрности царю Василию, оборонялъ казанскій край отъ вторженія мятежниковъ, и вмѣстѣ съ казанскимъ воеводою Богданомъ Бѣльскимъ убѣждалъ гражданъ не цѣловать креста Тушинскому вору. Казань и Нижній держались, тогда какъ многіе города уже «прельстишася на дьявольскую прелесть».

Пробывъ осень и зиму въ казанскомъ краѣ, по пути изъ Астрахани въ Москву, царскій воевода Шереметевъ привелъ царю Василию закаленную въ бою рать, сильно пополненную казанскими и нижегородскими ратными людьми, черемисою, чувашею, мордвою и башкирцами, готовыми «за государя царя Василія Ивановича биться до смерти». Занятые успокоеніемъ волновавшихся инородцевъ, казанскіе воеводы оставили въ своемъ распоряженіи незначительные отряды стрѣльцовъ и инородческихъ служилыхъ людей; не могли поэтому выслать находившіяся въ ихъ распоряженіи войска для присоединенія къ ополченію сѣверныхъ городовъ. «Шаткость» инородческаго населенія заставила русскихъ служилыхъ людей и стрѣльцовъ быть на-сторожѣ, тѣмъ болѣе, что черемисская смута, подогрѣваемая русскими измѣнниками и польскими людьми: Волинскимъ, Бартеневымъ, Лукьяновымъ, Павликомъ Моковевымъ, паномъ Пятигорцемъ, приняла въ ноябрѣ 1609 г. тревожный характеръ въ Вятскомъ краѣ и грозила переброситься въ Казань. Въ сѣверные казанскіе городки и волости съ сѣверныхъ областей пришло на помощь земское мѣстное ополченіе, должно было «жить съ береженьемъ» и «быть всѣмъ наготовѣ». Дѣйствительно яранскимъ воровскимъ людямъ помо-

гали засѣвшіе въ Козьмодемьянскѣ воры; казанцамъ приходилось посылать ратныхъ людей въ Кукарку и подъ Тетюши. Государевъ измѣнникъ князь Романъ Троеруковъ прибѣжалъ въ Чебоксары и сталъ бунтовать черемису и чувашу и грозить итти на Свіяжскъ и Казань. Такъ шло дѣло до конца 1610 г. 17 іюля кончилось «безвременное державство царя Василія Ивановича». Пришлось присягать сначала боярамъ, а немного спустя польскому королевичу Владиславу. 30 августа 1610 г. получена была въ Казани присланная изъ Москвы отъ боярь-правителей и «всѣхъ чиновъ и служилыхъ и жилецкихъ людей» на имя воеводы и всего населенія Казанскаго царства грамота, въ которой подробно излагались основанія приглашенія Владислава на царство, съ присовокупленіемъ: «И вамъ бы королевичу Владиславу крестъ цѣловать а также привести къ шерти (присягѣ) князей, мурзъ, татаръ служилыхъ и ясачныхъ чувашъ и черемису и вотяковъ». Для приведенія къ присягѣ инородцевъ были присланы крестоцѣлованныя записи на татарскомъ языкѣ. Безгосударное время сильно отразилось на краѣ: инородцы волновались; къ нимъ присоединились прибѣжавшіе отъ Тушинскаго вора казаки, стрѣльцы и другіе воры. Въ самой Казани въ концѣ 1610 г. неохотно присягали Владиславу, тѣмъ болѣе, что хорошо знали мнѣніе объ этой боярской затѣѣ патріарха Гермогена, которому безконечно вѣрили.

Простымъ людямъ хотѣлось видѣть на престолѣ русскаго человека. 7 января 1611 г. пріѣхалъ въ Казань изъ Москвы дьякъ Евдокимовъ, присланный врагами польской затѣи во главѣ съ святителемъ Гермогеномъ. Онъ заявилъ владыкѣ Ефрему и воеводамъ, что въ Москвѣ всѣмъ завладѣли поляки. Въ совѣтѣ боярь засѣдаетъ, де, панъ Гонсѣвскій, называющій себя старостой московскимъ, поселился въ кремлѣ въ старомъ домѣ Б. Годунова, и къ нему являются съ докладами дьяки. Польскіе и литовскіе люди поселились въ Кремлѣ и Китай-городѣ, сильно укрѣпивъ ихъ пушками, выславъ оттуда русскихъ людей; по городу разъѣзжаютъ польскіе патрули, запрещаютъ русскимъ показываться по утрамъ и вечерамъ. Несочувствующие полякамъ бояре сидятъ подъ карауломъ, а предъ Николинымъ днемъ бояре требовали отъ патріарха, чтобы онъ благословилъ москвичей цѣловать крестъ отцу Владислава. Когда патріархъ отказалъ имъ въ этомъ, то хотѣли, де, его зарѣзать. Патріархъ собралъ народъ на соборной площади и убѣждалъ

не приносить королю крестнаго цѣлованія. Весь московскій народъ скорбитъ, что его неволею бояре понуждаютъ цѣловать королю крестъ. Въ городѣ уныніе, въ приказахъ дѣла, въ рядахъ торговля прекратились.

Это извѣстіе сильно смутило казанцевъ, чѣмъ и воспользовались сторонники Калужскаго, бывшаго Тушинскаго Лжедмитрія, не зная объ его смерти, и стали склонять народъ къ присягѣ царю Дмитрію Ивановичу. Тогда по приказу митрополита явился на площадь воевода Б. Бѣльскій, укрѣплялъ казанцевъ не цѣловать креста вору; но шайка съ дьякомъ Н. Шульгинымъ во главѣ въ январѣ 1611 г. схватила и сбросила воеводу съ раската Спасской башни, а вмѣстѣ съ нимъ убила и начальнаго рат-

Спасская башня въ Казани.

наго человѣка Феодора Люткина. Воевода Морозовъ смалодушествовалъ. Когда узнали о гибели Калужскаго вора, дьяки Дичковъ и Шульгинъ выдвинули въ кандидаты на царствованіе сына Марины «царевича Іоанна Дмитріевича». Къ тому склонялся и Морозовъ. Честолюбивый бояринъ и воры дьяки видимо задумали привести въ дѣйствительность мечту Самозванца основать въ Астрахани особое понизовое государство, отдѣлившись отъ Москвы при помощи персидскаго шаха, казаковъ и русскихъ воровъ. Поэтому Шульгинъ въ крестоприводной записи заставлялъ казанцевъ клясться; что не «хотятъ ни мос-

ковскихъ ни польскихъ людей имѣть на царствѣ, помимо царя Дмитрія Ивановича». Но затѣя воровскаго заводчика не удалась. Патріархъ Гермогенъ отъ митрополита Ефрема скоро узналъ про затѣю Шульгина, препроводилъ въ Н. Новгородъ грамоту, въ которой просилъ отписать отъ его имени къ казанскому митрополиту Ефрему, чтобы тотъ убѣждалъ народъ крѣпко стоять за вѣру, не звать на царство «проклятаго Маринки-панна сына», объявить, что на это нѣтъ его, Гермогена, благословенія. И въ Казани, вопреки проискавъ Шульгина и его товарищей, восторжествовало народное рѣшеніе «быть со всѣми въ соединеніи и стоять всѣмъ за Московское государство», какъ о томъ просила казанцевъ и троипкая грамота.

По настоянію владыки Ефрема казанцы примкнули къ движенію верхняго поволжья, направлявшемуся изъ Ярославля къ Москвѣ для соединенія съ Ляпуновымъ. Владыка къ тому же получилъ изъ Ярославля грамоту отъ имени духовенства, воеводъ, дворянъ, дѣтей боярскихъ, служилыхъ и земскихъ старостъ, посадскихъ людей и уѣздныхъ крестьянъ, призывающую помочь ополченію; вслѣдъ за нею 1 мая казанцы получили грамоту отъ «великаго государства Московскаго: бояръ, воеводъ, дворянъ и всякихъ служилыхъ людей всѣхъ городовъ Россійскаго царствія» призывающую казанцевъ къ помощи деньгами и ратными людьми съ прибавленіемъ, что если они не соединятся и за Московское государство не станутъ, а надъ Московскимъ государствомъ разоренье учинится, то Богъ взыщетъ съ нихъ. Не смотря на хитрость воеводы Морозова, дьяковъ Шульгина и Дичкова, казанцы по увѣщанію владыки Ефрема присягнули помогать ополченію, быть въ любви и совѣтѣ, итти на земскую службу подъ Москву, пригласивъ къ тому же свои пригороды и пермскую землю. «Митрополитъ и всякіе люди Казанскаго государства: и князи и мурзы, и татарове, и чуваша, и черемисы, и вотяки, съ Н.-Новгородомъ и со всякими города поволжными стали на томъ, чтобы быть всѣмъ въ совѣтѣ и въ соединеніи, и за Московское царство стояти, и выбирать бы на Московское царство государя всею землею Россійскія державы». Казанское ополченіе было собрано, съ воеводою Морозовымъ отправлено къ Москвѣ, принесло въ станъ земскаго ополченія списокъ казанской иконы Божіей Матери, благословеніе митрополита, по приказу святителя Гермогена. Казанцы «приговорили съ Ефремомъ, митрополитомъ казан-

скимъ и свѣжскимъ, и со всею землею казанскаго государства, что отнюдь на царство проклятаго паньина Маринкина сына не хотѣтъ, а буде казаки того Маринкина сына или кого иного начнутъ на Московское государство выбирать своимъ произволомъ, не согласившись со всею землею, и того государя на государство не хотѣтъ и противъ него стоять

Казанская икона Божіей Матери.

всѣмъ государствомъ единодушно, а выбрать имъ государя, сославшись со всею землею, кого имъ въ государи Богъ дастъ». Мы знаемъ, что первое земское ополченіе встрѣтило св. казанскую икону пѣшее вмѣстѣ съ княземъ Трубецкимъ. Казанскіе ратники на другой день по приходѣ «поидоша вси на Новый монастырь, взяша отъ литовскихъ людей и разориша весь».

Святая икона была въ ополченіи до зимы, когда образъ былъ отпущенъ съ протопопомъ въ Казань, но задержался въ Ярославлѣ.

Неудача перваго, Рязанскаго ополченія вызвала второе—нижегородское. Нижегородцы прислали въ Казань посломъ стряпчаго Ивана Биркина, чтобы войти въ соглашеніе «для совѣта и помочи Московскому государству». «Тогда митрополитъ и всякіе люди казанскаго государства: и князи, и мурзы, и татары, и чувашы, и черемисы, и вотяки съ Нижнимъ Новгородомъ и со всѣми городами поволжными стали на томъ, чтобы быть всѣмъ въ совѣтъ и въ соединеніи и за Московское царство стояти, другъ друга не побивати и не грабити и дурного ничего ни надъ кѣмъ не дѣлати, а кто до вины дойдетъ, тому указъ чинити по приговору; новыхъ воеводъ, дьяковъ, головъ и всякихъ приказныхъ въ города не пускати, казаковъ въ городъ не пускати тоже и стояти на томъ крѣпко до тѣхъ поръ, какъ Богъ дастъ на Московское государство государя, а выбрать бы на Московское государство государя всею землею Россійскія державы; если же казаки станутъ избирати государя по своему изволенію, одни, не согласившись со всею землею, такого государя не хотѣти». Казанцы послали въ Ярославль ополченіе, которое выступило подъ начальствомъ названнаго выше Биркина, татарскаго головы Лукьяна Мясного, стрѣleckаго сотника Нефлова и 20 инородческихъ князей.

Въ Ярославлѣ Биркинъ, повздоривши изъ-за первенства, покинулъ ополченіе, которое оставалось до самаго освобожденія Москвы, участвовало въ битвахъ, честно служа общеземскому дѣлу. Съ нимъ была и св. казанская икона, задержавшаяся въ Ярославлѣ, обратно взятая въ Москву. «Ратные же люди велию вѣру начаша держати ко образу Пречистыя Богородицы, и многія чудеса отъ того образа быша, и въ гетманскій же бой, и въ московское взятіе многи жъ чудеса быша». И 22 октября молитвами и заступленіемъ Богоматери, по видѣнію архангельскаго епископа Арсенія, Москва была взята земскимъ ополченіемъ кн. Пожарскаго, какъ это говорится въ окружной грамотѣ благовѣрнаго царя Алексѣя Михайловича.

Благочестивый царь Михаилъ Ѳеодоровичъ въ память сего событія установилъ праздновать въ Москвѣ казанской иконѣ Божіей Матери 2 раза въ годъ: 8 іюля, въ день обрѣтенія

иконы, и 22 октября, въ день очищенія Москвы отъ поляковъ. Были учреждены 2 крестныхъ хода изъ Успенскаго собора въ Введенскую церковь, гдѣ кн. Пожарскимъ сначала былъ поставленъ чудотворный образъ. Въ 1636 г. была выстроена на Красной площади противъ земскаго дворца церковь во имя казанской иконы Божіей Матери, нынѣ соборъ, и сюда стали совершать крестные ходы. Съ 1648 г. празднованіе 22 октября стало все-россійскимъ.

Казанскій монастырь.

Казанскій владыка Ефремъ былъ теперь старшимъ іерархомъ въ Россіи, такъ какъ патріарха не было, а новгородскій владыка съ епархіей не участвовалъ въ великомъ земскомъ дѣлѣ. Князь Пожарскій 12 іюля 1612 года поэтому пишетъ грамоту къ «твердому адаманту, пастырю и учителю, великому господину преосвященному Ефрему» отъ имени всѣхъ служилыхъ и жилецкихъ людей. Указывая, что поднялась на спасеніе государства вся земля, а пастыря и учителя за смертію патріарха Гермогена у нея нѣтъ, Пожарскій просилъ послать въ ополченіе пастыря и учителя игумена Сторожевскаго монастыря Исаію, снабдивъ его ризницей и утварью и посвятивъ въ Казани въ крутицкіе митрополиты, замѣстители патріарха, «да паки въ Московскомъ государствѣ угасшій (съ кончиной патріарха Гермогена) свѣтильникъ возжжется». Но владыка воздержался отъ посвященія игумена Исаіи безъ одобренія церковнаго собора,

а указаль обратиться къ бывшему на покой ростовскому митрополиту Кириллу, который и былъ въ Ярославль, а потомъ на соборъ и царскомъ вѣнчаніи.

Мы уже знаемъ, что 22 октября былъ взятъ Китай-городъ, а чрезъ мѣсяцъ сдались запертые въ Кремль поляки, вслѣдствіе голода пожиравшіе человѣческіе трупы, и 27 ноября ополченія князей Пожарскаго и Трубецкаго торжественно вступали въ кремль. Собрался земскій соборъ изъ 700 выборныхъ отъ 50 городовъ, на которомъ предсѣдательствовалъ прибывшій въ Москву съ 15 выборными казанскій митрополитъ Ефремъ; онъ первый подписалъ составленную въ маѣ 1613 г. особую избирательную грамоту, первый заявилъ и всемѣрно додерживалъ кандидатуру указаннаго святѣйшимъ Гермогеномъ боярина Михаила Ѳеодоровича. Соборъ грамотой объявилъ королю Сигизмунду, что Русь не желаетъ его сына на царскій престолъ. Вотъ какъ начинается избирательная грамота:

«Великаго Господа Бога Отца, страшнаго, и всесильнаго и всасодержащаго, пребывающаго во свѣтѣ неприступнемъ, въ превелицей, и превысочайшей, и велелѣпной и святей славѣ величества Своего, сѣдящаго на престолѣ херувимстемъ съ Превѣчнымъ Единороднымъ Своимъ Сыномъ, Господомъ нашимъ Іисусъ Христомъ, и съ Божественнымъ и Животворящимъ Своимъ Духомъ, Имъ же вся освящаются, единосущныя и нераздѣльныя Троицы, равно честныя, и равно сопрестольныя и равно сильныя и равно свѣтлыя и равно дѣйственныя, и равно сущныя, и соприсносущныя, и собезначальныя, и единоначальныя, и трисоставныя, и нераздѣльныя, въ тріехъ ипостасехъ единаго Божества, Царя царствующимъ и Господа господствующимъ, непреодолимнаго и всякія силы крѣпчайшаго, имъ же Царіе царствуютъ и величьи величаются, сего въ Троицѣ приснославимаго Бога нашего недоумѣваемыми и недовѣдомыми судьбами и неизрѣченнымъ премудрымъ промысломъ всяко созданье отъ небытія въ бытіе создается, и отъ не сущихъ въ существо приводится, и отъ рода въ родъ лѣтами и считаются, отъ Него-жъ пріимша земля наша Русская своими Государи обладаема быти, ихъ же Великихъ Государей Царей Россійскихъ, корень изыде отъ превысочайшаго пesarскаго престола, и прекрасно цвѣтущаго и пресвѣтлаго корени Августа Кесаря, обладающаго всею вселенною. Первый князь Рю-

рикъ содержаше скифетръ великаго Россійскаго государства въ Великомъ Новѣградѣ...

Послѣ изложенія русской исторіи до избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, говорится: «Кто похочетъ мимо Госу-

Царь Михайлъ Ѳеодоровичъ.

даря Царя и Великаго князя Михаила Ѳеодоровича, вся Русь Самодержца и его дѣтей, которыхъ имъ Государемъ впредь Богъ дастъ, искати и хотѣти иного Государя изъ какихъ людей ни буди, или какое лихо кто похочетъ учинити: и намъ, боярамъ и окольничимъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ,

и гостемъ, и дѣтемъ боярскимъ и всякимъ людямъ, на того измѣнника стояти всею землею за одинъ. Также намъ Великаго Государя нашего, Царя и Великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи всему синклиту, бояромъ, и окольничимъ, и княземъ, и воеводамъ, и дворянамъ, и приказнымъ людямъ, не по отечеству и не по своему достоинству, свыше своего отечества и службы, мимо царскаго повелѣнія, чести себѣ никакой не хотѣти и не искати, и вотчины и помѣстья держати по своей мѣрѣ, чѣмъ кого Государь пожалуетъ, и въ Государскихъ дѣлахъ и во всякихъ чиновныхъ людехъ несупротивну быти, какъ кому Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Феодоровичъ всеа Русіи, на своей Государевой службѣ и у всякаго дѣла, гдѣ кому быти велитъ, такъ тому и быти...».

Въ заключеніе грамота говоритъ:

— «А кто убо не похочетъ послушати сего соборнаго уложенія, его же Богъ благоизволи, и начнетъ глаголати ино и молву въ людехъ чинити: таковы, аще отъ священнаго чину, и отъ бояръ, царскихъ синклитъ и воинственныхъ, или инъ кто отъ простыхъ людей и въ какомъ чину ни буди, по священнымъ правиломъ Святыхъ Апостолъ, и Вселенскихъ седми соборовъ, Святыхъ Отецъ и мѣстныхъ, по соборному уложенью всего освященнаго собора, чину своего извержень будеть, и отъ церкви Божіи отлучень... А на соборѣ были Московскаго государства и изо всѣхъ городовъ Россійскаго царствія власти, и митрополиты и архіепископы, и епископы и архимандриты, и игумены, и протопопы, и весь освященный соборъ, и бояре, и окольничіе, и чашники, и стольники, и стряпчіе, и думные дворяне, и дѣяки, и жильцы, и дворяне большіе, и дворяне изъ городовъ, и дѣяки изъ приказовъ, и головы стрѣleckіе, и всякіе приказные и дворовые люди, и гости, и сотники стрѣleckіе, и атаманы казачьи, и стрѣльцы, и казаки, и торговые и посацкіе всякихъ чиновъ всякіе служилые и жилецкіе люди, и изо всѣхъ городовъ всего Россійскаго царствія выборные люди, которые присланы съ выборы за всякихъ людей руками о государскомъ обирании. А уложена бысть и написана сия утвержденная грамота за руками и за печатми Великаго Государя нашего Царя и великаго Князя Михаила Феодоровича всеа Русіи Самодержца, въ царствующемъ градѣ Москвѣ въ первое лѣто царства его, а отъ созданія міру 7084-го, а индикта 11-го мѣсяца мая.

2 мая митрополитъ Казанскій торжественно встрѣчалъ въ Москвѣ выбывшаго изъ Костромы и слѣдовавшаго чрезъ Ярославль и Троицкую обитель избраннаго Богомъ новаго государя, а 11 іюля вѣнчалъ и помазалъ его на царство. Священнодѣйствіе митрополитомъ совершено было по чину вѣнчанія царя Θεодора Іоанновича на царство. Предъ литургіей торжественно были принесены въ Успенскій соборъ шапка и бармы Мономаха, скипетръ и держава царя Іоанна IV. Затѣмъ состоялся выходъ государя изъ золотой палаты въ соборъ. Предъ началомъ литургіи на царя былъ возложенъ царскій вѣнецъ, бармы и животворящій крестъ. Владыка митрополитъ при этомъ, обратившись къ царю, произнесъ слѣдующее слово:

Благочестивый, и христолюбивый, великій гдѣрь црѣ, и великій кнѣзь михаилъ ѳеодоровичъ, всеа россіи самодержецъ, всеильнаго, и вса содержащаго вѣа, и шца и зволѣніемъ, и благоволеніемъ единосрѣднаго сна бгѣ, гдѣ вѣа, и спасающаго иіѣа хрѣта, и поспѣшеніемъ стѣаго и животворящаго дха, всемогущіа трѣи волею и хотѣніемъ, самодержавствовали великіа гдѣри въ россійскомъ гдѣртвѣ, ш великаго рѣрика, и благочестиваго равноапѣльнаго, великаго кнѣзя владимира стѣславича, просвѣтившаго рѣсѣю зѣмлю стѣымъ крѣщеніемъ и ш великаго кнѣзя владимира всеволодовича мономаха, иже превысочайшю чтѣ, црѣскій вѣнецъ, и діадимъ ш грѣческаго црѣа константина мономаха въпріимъ, сегѣ ради монома наречѣа, ш негѣже вса великіа гдѣри, россійскаго црѣтѣа вѣнцемъ вѣнчахѣа, даже до великаго гдѣра, хвалами достѣйнаго, праведнаго великаго гдѣра, вѣженнаа пѣматѣ дади вѣшего, црѣа и великаго кнѣзя, ѳеодора іѣанновича, всеа россіи самодержца, на се црѣскомъ стѣпени неподвижимы вѣсть. И вѣимъ праведнымъ сѣдомъ вѣгомъ вѣнчанный, благочестивый великій гдѣрь црѣ, и великий кнѣзь ѳеодоръ іѣанновичъ, всеа россіи самодержецъ, вѣчаденъ оставъ земное црѣтво, шнде въ нѣное црѣтво.

И по ѿбранію нѣмѹ, въ на сѣмъ вѣшнемъ цѣрковномъ прѣдѣ-
лѣ, цѣрь вѣрнѣе деодоровѣ всеа русіи, родомъ ѿ прѣдѣла
вѣземскихъ, и сѣй прѣстѣвилъ. И за оумноженіе грѣхѣвъ
нашихъ, вѣрѣимъ дѣйствомъ, кѣмъ вѣроуѣнникъ, ере-
тикъ, рѣстрига грѣка вѣдѣновъ снѣ ѿтрѣпѣвъ, и мечѣми
вѣсовскими, и мнѣжѣнными сатанинскими дѣлами, и
вѣспоможеніемъ и оумышленіемъ польскаго жигимонта коро-
ля, и панѣ радѣ, назѣвалъ снѣмъ великаго гдѣа цѣря, и
великаго кнѣзя іѣанѣ вѣснѣвичѣ, всеа русіи, дѣда вѣше-
го, и сѣ вѣшего цѣрковнаго прѣдѣла кѣснѣла, и собѣрнѣю и
апѣльскѣю цѣрковѣ прѣчѣмъ вѣцы, чѣмъ и славнаго еѣ
вѣспѣнѣла, своѣю лѣчѣю ерѣсію ѿрѣгалъ: и мнѣжѣ еретики
во сѣмъ цѣрковѣ вѣжѣю вѣе, и православнѣй истиннѣй на-
шей непорочно хрѣіанскѣ вѣрѣ, мнѣжѣ рѣгѣтельство дѣлалъ,
ѣже вѣе нашими очѣми вѣдѣхомъ. Мнѣжѣ же во трѣхъ
славимый вѣжѣ нашъ не попѣсти такоѣа злодѣла, на разо-
рѣніе нашеа истиннаго хрѣіанскѣа вѣры, и по дѣламъ
ѣго мѣстѣ вѣдѣе еѣмъ: заѣ ѿклѣанный живѣтъ свой
ипровѣрѣе. И по нашемъ ѿбранію сѣде на сѣмъ вѣшемъ
цѣрковномъ прѣдѣлѣ, и вола ѿ рѣда сѣдѣльскихъ кнѣзей, цѣрь
вѣснѣй іѣанновичѣ, всеа русіи. И за оумноженіе грѣхѣвъ
нашихъ, и вѣсѣ православнаго хрѣіанства, при цѣрѣ вѣснѣ-
лѣи, русіискомъ гдѣрѣтѣ, мнѣжѣ разорѣніе, и крѣвь хрѣі-
анскаѣа мнѣжѣа пролила, ѿ мѣѣсовнаго вѣрѣи ѿ вѣрѣвъ,
кѣтѣрѣа назѣвалѣа гдѣрѣскими дѣтѣми, и ѿ польскѣхъ и
ѿ литѣвскѣхъ лѣдѣй, оумысломъ польскаго жигимонта коро-
ля и панѣвъ рѣа, и ѿ мнѣжѣа тѣѣснѣты, москѣвскомъ
гдѣрѣтѣ, вѣдѣчи вѣ сѣдѣ на москѣвѣ, ѿ польскѣхъ и ѿ ли-
тѣвскѣхъ и ѿ вѣровскѣхъ лѣдѣй, ѿвѣрали вѣло на москѣвское
гдѣрѣтѣ, жигимонта короля снѣа, корѣвѣичѣа вѣдѣслава; а
цѣрь вѣснѣй іѣанновичѣ, по нашемъ чѣловѣчѣю гдѣрѣтѣ

ѡстáвилъ. И с корѣннымъ гѣмáнѡмъ, і стáнислáво желкѡв-
скимъ, ѡ всѣхъ стáдъхъ, кáкъ королѣвичю вѣйти на мос-
кѡвскомъ гáртвѣ, договоръ оучинили, и записми и крѣ-
нымъ цѣловáнїемъ оукрѣпилисá. И ѡ котѡры стáтьдхъ і
гетмáнѡмъ стáнислáвомъ желкѡвскимъ не договорились: и ѡ
тѣхъ стáтьдхъ, кѣ жигимонтѡ королѣ по смолѣнскъ ѡ
всегѡ рѡсїйскáго гáртвá, пошѣлъ ѡцъ вáшъ великáго гáрдá,
прѣѡсѣ́енный дѣларѣ никитичъ, мѣтрѡполи́ ростѡвскїй и
ярославскїй: да вѣ послѣхъ, волáрниъ кнѣзь васїлїй васїлїе-
вичъ голицынъ, с товáрыщи: и всáкїй чинѡвъ люди. И
жигимонтъ королѣ, по приговѡрѡ гетмáна стáнислáва
желкѡвскáго, и по егѡ крѣ́номъ цѣловáнїю, ничегѡ не
дѣржáлъ, и ѡцá вáшего стѣ́йшаго дѣларѣта мѣтрѡполи́та,
и послѡвъ, кнѣзâ васїлѣа голицына с товáрыщи задержáлъ:
и в затѡчѣнїе розослáлъ: á снá своѣ владислáва королѣвича,
на гáртво не далъ: á гетмáнъ стáнислáвъ желкѡвскїй,
пѡльскїй и литѡвскїй и немѣцкнхъ людѣ, в москвѡ пѡстѣвъ,
црѣâ васїлѣа к королѣ в пѡльшѡ ѡслáлъ: и црѣ́вѡцїй
гáрдъ москвѡ выжгли и выѣкли, и цркви вжїѣ, в котѡры
и дáньнѣ лѣтъ сáвилосá ймá вжїѣ, и за вѣсъ, великнхъ
гáрей, и за вѣсь мїръ жѣртвá к вѣѡ приносиласá, ѡсквер-
нили, и разорили: и йкѡны и чюдѡтѡрѡцѡвы рáки, ѡдѣра-
ли: и всáкое ѡсквернѣнїе, и порѡгáнїе нїѣй правослáвной
хрѣ́тиáнской вѣрѣ чинїли. И стрáдáлцá великáго стѣ́йшаго,
ѣрмогѣна патрїáрха москѡвскáго и всѣâ рѡссїн, с великимъ
вѣсчѣстїемъ, со прѣ́ѡла свѣргнѡли, и и стѣ́нтелскáго сáнѡ
ѡбнажили, и в затѡчѣнїе посáдâ мѡчїтельскою смѣртїю
оуморили. á сѣ́еническáго и йноческáго чїнѡ, и волáръ,
и ѡколнїчнхъ, и двѡрáнъ, и всáкїй чинѡвъ жилѣцкнхъ
людѣй, мѡжескá пѡлѡ и жѣнскá, и бѣгрѣ́шнхъ мáнцевъ
бѣчїсленнѡ мѡчїтельскї повили: и крѡвь хрѣ́тиáнскѡю мнѡ-

гю, по всемъ црѣвѣицѣмъ градъ москвѣ, неповинно про-
лили. ѿ вѣшъ црѣвѣицѣ канѣ мнѡгю, соврѣнїе ѿ давныхъ
лѣтъ, прѣиныхъ великихъ гдѣей, црѣей россійскихъ, црѣвѣицѣ
оутвари, црѣвѣицѣ шапки, ѿ корѣны, ѿ чудотворныхъ обра-
зы, ѿ жигимонтѣ королѣ шлѣли, ѿ достаицѣ вѣшъ, црѣ-
вѣицѣ канѣ, ѿ вѣ црѣвѣицѣ вѣицѣ, ѿ вѣ мнѣтрѣицѣ, мнѡгѣицѣ
нейсчѣтныя богѣтѣства москѡвскѣи людѣи пограбѣи, по себѣ
радѣи. ѿ вѣшъ, великаго гдѣи, ѿ матерѣи вѣицѣ, ѿ
гдѣицѣи ѿнокою мѣрѣицѣи ѿѣицѣи, ѿ волѣицѣи вѣицѣи, ѿ
ѡколнѣицѣи, ѿ дворѣицѣи, ѿ всѣицѣи чинѡвѣицѣи людѣи, захватѣи
в гѡродѣи вѣицѣи ѿицѣи вѣицѣи, ѿ держѣи вѣицѣи неволѣи: ѿ
иныхъ за крѣпкими пристѣи. ѿицѣи вѣицѣи, [зѡи ѿ не-
правѣи жигимонта королѣи ѿ разорѣнїе москѡвскомъ гдѣицѣи,
ѿ ѡсквернѣнїе стѣицѣи вѣицѣи црѣвѣицѣи, ѿ порѣицѣи нѣицѣи
православнѣи хрѣицѣицѣи вѣицѣи, ѿже правѣицѣи вѣицѣи, за гдѣицѣи
нѣицѣи на нѣицѣи попѣицѣицѣи: всѣицѣи рѡсѣицѣицѣи гдѣицѣи, всѣицѣи
лѡди, ѿицѣи вѣицѣи мѣицѣи соѡицѣи совѣицѣи оучинѣи, ѿицѣи
иныхъ црѣицѣицѣи оукрѣицѣицѣи, на тѡи, чѣицѣи всѣицѣи право-
славныи хрѣицѣицѣи, всѣицѣи рѡсѣицѣицѣи црѣицѣи, ѿицѣи
до велика, за корѡлѣицѣи мнѡгю ко всемъ москѡвскомъ
гдѣицѣи неправѣи, ѿицѣи за нѣицѣи ѿицѣицѣи православицѣи вѣицѣи,
ѿицѣи за стѣицѣи вѣицѣи црѣицѣи, ѿицѣи за мнѡгѡе вѣицѣицѣи хрѣицѣицѣи
ицѣи крѡвѡраицѣицѣи, ѿицѣи за разорѣнїе москѡвскаго гдѣицѣи,
стоѡицѣи всѣицѣи ѣдиномыслицѣи: ѿицѣи сѣицѣи ѣицѣи, вѣицѣицѣи корѡ-
лѣицѣи, на москѡвское гдѣицѣи, гдѣицѣи никаицѣи не хотѣицѣи.
ѿицѣи соврѣицѣи ѿицѣи ѿицѣи, мѣицѣи вѣицѣи, ѿицѣи вѣицѣи
црѣицѣи цѣицѣицѣи, црѣицѣицѣи градъ москвѣи, ѿицѣи полѣицѣи ѿицѣи
литѡвскихъ людѣи ѡицѣицѣи, ѿицѣи вѣицѣи, великаго гдѣи, ѿицѣи мѣицѣи
вѣицѣи, великю гдѣицѣи нѣицѣи, ѿицѣи мѣицѣи ѿѣицѣи, ѿицѣи
волѣицѣи вѣицѣи, ѿицѣи ѡколнѣицѣи, ѿицѣи всѣицѣи чинѡвѣицѣи людѣи ѿицѣи
плѣицѣи, ѿицѣи полѣицѣи ѿицѣи литѡвскѣи людѣи вѣицѣи свѡбѡдицѣи. ѿицѣи

нѣ всенѣный, во трѣ славимый вѣз нашъ, на на мѣтъ
свою показѣ: подаровѣлъ намъ на великѣм гдѣтва россѣй-
скаго цѣтвѣа, по срдѣствѣ дѣди вѣшего, хвалѣмъ достѣй-
наго, по великомъ прѣведномъ гдѣрѣ цѣрѣ и великомъ
кнѣзѣ леодѣврѣ ѿѡанновичѣ, вѣсѣ рѣсѣи самодѣжцѣ, вѣ,
великаго гдѣра цѣра, и великаго кнѣза мѣхѣйла леодѣвровича,
вѣсѣ рѣсѣи самодѣержца, гдѣра вѣгочестѣива, прѣведна, и по
православнѣй хрѣтіанскѣ вѣрѣ повѣратѣла. И мы, вѣгомѣлцы
твоей, мѣтрѣполѣнты, и ѡрхѣепѣкпы и ѣпѣкпы, по вѣжѣй вѣоли,
и по срдѣствѣ дѣди вѣшего, хвалѣмъ достѣйнаго прѣведнаго,
великаго гдѣра цѣра, и великѣ кнѣза, леодѣвра ѿѡанновича,
вѣсѣ рѣсѣи самодѣержца, и по ивѣрѣнію вѣсѣхъ чѣновѣхъ лѣдѣй,
вѣсѣ вѣшего великаго рѣсѣйска цѣрѣтвѣа, вѣ, великѣ гдѣра,
на тѣ вѣши великѣм и прѣславнымъ гдѣрѣства, на владѣмѣр-
ское и на москѣвское, и на новгородское, и на цѣрѣтва ка-
зѣнское, и ѡстарахѣнское, и на сѣвѣрское, и на вѣсѣ вѣши
новопрѣвѣлыѣ гдѣрѣтва, иже вѣ держѣвѣ, и во ѡвѣласти,
рѣсѣйскаго цѣрѣтвѣа, ѡ вѣшного прѣмысла, по дѣннѣ намъ
вѣгодѣти, ѡ прѣсѣтѣаго и живѣтѣворѣщаго дѣха, поставѣлаемъ
тѣа и помазѣемъ тѣа великѣй гдѣрѣ цѣрѣ, и великѣй кнѣзѣ,
мѣхѣйла леодѣвровичѣ, вѣгѣ вѣнчѣанный цѣрѣ и самодѣержецѣ,
вѣсѣ великѣмъ рѣсѣин. И да ѡумѣнѣжитъ гдѣ вѣз лѣтѣ цѣрѣ-
тѣю твоемѣ, и положѣтъ на главѣ твоей вѣнѣцѣ ѡ камѣ-
не чѣтна, и дѣрѣетъ тѣвѣ долготѣ днѣй, и дѣстѣ тѣвѣ
гдѣ, вѣ десѣнѣцѣ твоей, сѣипѣтрѣ цѣрѣтвѣа: и посади тѣа на
прѣтолѣ прѣвѣды: и ѡгради тѣа вѣсѣѣрѣжѣствѣ стѣаго дѣха, и
ѡутѣверди мѣшцѣ твоѣ: и покѣри тѣвѣ вѣсѣ ѡзыки, хотѣ-
щѣмъ вѣранѣмъ: и вѣсѣетъ гдѣ вѣ срдѣцѣ твоемѣ стѣра своѣ, ѣже
кѣ послѣшнымъ мѣтивное, и сѣблюдѣ тѣа вѣ непѣрѣчѣнѣй
хрѣтіанскѣ вѣрѣ: и покѣжѣ ѡпасѣна храниѣла стѣаго своеѣ
сѣѣорѣна вѣстѣчѣна цѣркѣи вѣ вѣлѣнѣа, и да сѣдиши лѣди

твоѡ правдою ѿ нищихъ сѡдѡ истиннымъ. да воѡбѣтѣ
во днѣхъ твоѡхъ правда, ѿ множества міра. да въ ти́хости
твоѡй ти́хо ѿ вѣмóлвно житіѣ поживѣмъ, во всѡко́ благо-
чѣстїи, ѿ чистотѣ, заѣ до́врѣ ѿ благоу́годнѡ поживше,
ѿ наслѣднѡ вѡдеши нѣнагѡ црѣтвѡ, со всѣми стѣми прако-
славнымъ црѡ. Превысочѡшю же чѣть, ѿ вышѣхвалѣншю сла́вѡ
црѣтвѡ вѣнѣцъ, на гла́вѡ свою́ вопрїимѡ, ѣгѡѣ взыска́ ѡ
древнѡ лѣтѣ, великѡй гдѣрь владимѡръ мономѡхъ, чѣдѡ намѣ
ѡ ва великагѡ гдѣря, ѡ ва́шегѡ црѣскагѡ прѣкрѡсно цвѣтѣ-
щагѡ корѣне, прѣсвѣтлаѡ ѿ прѣкрѡснаѡ вѣтѣвь процвѣла́ ѿ
надѣждѡ, ѿ въ наслѣдїѣ всѣмъ великимъ гдѣтвѡ рѡсїйскагѡ
црѣтвѡ.

Послѣ возложенїя на царя царскаго вѣнца, затѣмъ бармѣ
и животворящаго креста начались литургїя; митрополитѣ
Ефремѣ совершилѣ предѣ причащенїемъ надѣ государемъ
священное миропомазанїе изѣ того сосуда, который по преда-
нїю принадлежалѣ императору Августу, и изѣ котораго и до-
нынѣ помазываются наши государи. Затѣмъ Богомъ вѣнчанный
и помазанный царѣ прїобщался св. Тѣла и Крови Христовой.
Знаки царскаго достоинства при семъ священнодѣйствиѣ дер-
жали въ соборѣ князья Д. М. Пожарскїй, Трубецкой, Мсти-
славскїй, дядя государя бояринѣ Иванѣ Никитичѣ Романовѣ.

Послѣ совершенїя таинства митрополитѣ Ефремѣ произ-
несѣ въ соборѣ предѣ государемъ второе свое привѣтствен-
ное слово:

Великѡй гдѣрь црѣ, ѿ великѡй кнѣзь михѡилѣ леодѡровичѣ,
всѣѡ рѡсїи самодѣржецъ. Оѣ ѡннѣѣ ѡ вѣѡ поставленъ еси
вѣѡ вѣнчанный црѣ, ѿ великѡй кнѣзь, правитѣ хорѡдѣви,
ѿ содержѡти скѣпетры, великагѡ рѡсїйска црѣтвѡ, ѿ вѣнчанъ
еси црѣскимъ вѣнцѣмъ, по вѣлѣти стѣѡ дѡѡ ѿ по мѡѡти
прѣстѣѡѡ вѣѡѡ, ѿ по вѣѡсловѣнїю великихъ москѡвскѡ чюдо-
твѡцѡвѡѡ, петра ѿ а́лѣхѡѡ, ѿ ѡѡны, кѣѡевскѡ ѿ вѣсѡѡ рѡсїи:
ѿ всѣѡѡхъ стѣѡѡхъ мѡѡтѡѡѡѡ. ѿ по вѣѡсловѣнїю мѡѡѡѡѡѡ сво-

еѧ, великіѧ гдѣри, иноки мѧрѧы ѿѧѧновны, ѧ по оупро-
шенію ѧ по челобію нѧ, вѣомѡцѡвѧ твоѧхъ, ѧ болѧръ, ѧ
ѡконнѧхъ, ѧ всѧкѧхъ чинѡвѧхъ людеѧ, всегѡ великагѡ рѡссїѧгѡ

Преосвященный Ефремъ, Митрополитъ Казанскій и Свѣязскій.

гдѣртва. ѧ по дѧннѧхъ нѧмѧхъ влѧгѧхъ, ѡ сѣѧгѡ ѧ животворѧ-
щагѡ дѧхѧ, рѡкоположеніемъ нѧшегѡ смиреніѧ, со архіепѧпы
ѧ епѧпы рѡкнѧхъ митрополѧн, во цѣрѣствѡющемъ твоѧмъ
градѣ москѡвѣ. ѧ ты, великѧй гдѣрь цѣрь ѧ великѧй кнѧзь

михаила деодоровичъ, всѣа рѣси самодеже, имѣи стра
вѣи въ цѣѣ, и сохрани вѣрѣ хрѣіанскѣ, греческаго закона,
чтѣ и непоколебимѣ: и соблюди црѣтво твоѣ что и непо
рочнѣ, и любн правдѣ и мѣть и сѣдѣ правый, и к по
слѣшнѣ мѣтливное: ко стѣмъ же вѣимъ црѣва, имѣ вѣрѣ
и стра вѣи і бодавай чѣ, понеже въ не црѣ, вторѣ
рожденѣ еси ѿ стѣа крѣпѣли дхѣвнымъ стѣмъ рожденіемъ:
и ко стѣ чѣнымъ мнѣремъ вѣлю вѣрѣ держи, по даннѣ
ти ѿ вѣа црѣтѣа власти. к нашѣмъ же смиренію, и ко
всѣ свой вѣомѣемъ, ѿ стѣмъ дѣѣ, имѣ правдѣ, и мѣть
и любовь, к волаѣмъ же своимъ, и ѿкѣнчимъ, и к ближ
нимъ, и всакаго чѣна к людемъ своего црѣтѣа, вѣди
мѣтливъ, и праворѣсдѣтеленъ, глѣ ти, вѣолювѣый црѣ,
блюди і вѣѣ и храни, елико твоѣа црѣскаѣа власть и сила
содержи, покрываемъ вышнаго десницею, и хранимъ вѣтѣю
стѣаго дха ѿ всѣ враговъ твоихъ, видимъ и невидимъ.
глѣ во гдѣ вѣѣ, чѣе исѣа прѣрка, азъ вѣдѣиго тѣа црѣа с
правдою, и прѣѣ тѣа за рѣкѣ, и оукрѣпѣи тѣа, сего ради
слышите црѣе и кнѣзи, и раздѣлѣйте, ѣко ѿ гдѣ данѣ быти
держѣва вамъ, и сила ѿ вышнаго: ва во нѣрѣ гдѣ вѣѣ на
земли, и на прѣѣлы, и мѣть и живѣ положи на вѣсѣ. вѣѣ
же подовѣетъ, прѣемше ѿ вышнаго повелѣніе правленіа
чѣтескаго рѣда, православны хрѣіанѣ, не токѣ ѿ свой
пециѣа, и свое точѣю житіѣ правити, но всѣ ѿвладемыѣ
ѿ тревѣненіа спасти, и соблюдати стѣадо вѣѣ ѿ волковъ
невредимѣ: и воѣтѣса гнѣва серпѣа нѣнѣа, и не давати воли
злотворѣщимъ чѣкѣ. ѣко же во снѣѣ на земли не сѣѣѣ,
тѣмнѣѣ еѣтъ, тѣко не рѣсдѣѣ едина во добродѣтѣ
вѣемѣртна сѣтъ. и пакѣ глѣ, ѿ вѣѣ вѣнчѣанный црѣ, цѣло
имѣи мѣдрѣніѣ, православны дохмѣтѣ, почитѣи илѣше
мѣре твоѣу црѣковѣ, ѣже ѿ стѣмъ дѣѣ тѣа вѣ пѣтѣа, да и

самъ почтѣ въдеши ѿ неа и сщ҃енника почитай, ѿкъ ходатай къ вѣдѣ, чѣ въ сщ҃енническаа на вѣа воходѣ. ѿзыка же л҃стїва, и сщ҃етна и ѿвѣгателя не прїемли. Ѿ вѣо^м вѣнчаннй цр҃ю, мр҃ств чт҃нѣйши еств, и всѣмъ тц҃атѣнѣши еств: всѣ во тѣ, ѿко вл҃гъ похвалю, и любовмѣдрѣ ти выти подоваетѣ, илѣ мѣдрымъ послѣдовати, на нѣ же констѣннѣ, ѿкъ на прѣолѣ вѣз почивае. не такъ краснаа мѣра вса, ѿкъ добродѣтѣ краснѣ цр҃а. но зрѣ добрѣ тѣ дх҃овнѣю, и раздавай саны тѣне. еже во цѣноу кѣпѣй въластв, мнѣжае паче ѿбладаемыа кѣпитѣ, ѿкъ мздовѣдаію надѣлаа, ко мздопрѣлѣтїю вѣ воази зрѣтѣ. аще во и не прѣстѣпенѣ еси цр҃ю, нѣжнаго радѣ цр҃тѣва, но оудѣвъ прѣстѣпенѣ вѣди, горнѣа радѣ въластв, но имашѣ и самъ цр҃а, иже еств на нѣсѣхъ. аще во онѣ всѣми печѣла ѿкъ вѣз, сѣце потрѣвнѣ еств и тѣвѣ цр҃ю, ничтѣже прѣзирѣти. тц҃ица, Ѿ вѣо^м вѣнчаннй цр҃ю, не тѣчїю сѣ цр҃тѣво испрѣвѣти нрѣкы вл҃гѣми, но и нѣнаа добродѣтѣными вл҃годѣаньми, наслѣдовати имашѣ. и аще хѣщѣши, мѣтѣва сѣвѣ имѣти нѣнагѣ цр҃а, и вѣа, мѣтѣвѣ и тѣ вѣди цр҃ю ко всѣмъ: да и зѣдѣ добрѣ вл҃го поживѣши, и цр҃тѣвѣши добрѣ слѣхѣмъ зѣдѣ: а вѣ нѣно цр҃тѣви со аг҃лы вѣїими, и со всѣми стѣми вл҃гочт҃нѣвыми цр҃и да наслѣдникъ въдеши: и да вѣмѣжѣши рѣцѣ ко тѣворѣцѣ своемѣ и вѣдѣ, сѣ азѣ гдѣ, и людіѣ тѣвои иже мѣ еси далѣ. и тогда, Ѿ вл҃гочт҃нѣвый цр҃ю, и самъ оуслѣшиши слѣдѣїй онѣ гла нѣнагѣ цр҃а и вѣа: вл҃гѣй мѣой равѣ добрый и вѣрнй, рѣсїйскїй цр҃ю мѣхѣйлае, Ѿ малѣ выств вѣренѣ, на мнѣгѣми тѣа постѣваю, вѣнѣди в радѣстѣ гдѣа своегѣ. и тогда вѣо^м вѣнчаннй цр҃ю, вѣнѣдеши во цр҃тѣво нѣное, со всѣми стѣми, и прѣїмѣши неѣувѣдаемый вѣнѣцъ слѣвы; и въдеши цр҃тѣвѣати со хр҃тѣомъ вѣ нѣно цр҃тѣви, и со аг҃лы и всѣми

сѣ́ми, сла́вити вѣ́а, во трѣ́йцѣ́ пѣ́вѣмагѡ, ѿ вѣ́селѣтисѧ
сѧ нѣ́ми, въ вѣ́конныѧ вѣ́ки. Бѣ́ди же сѧ тово́ю вѣ́омѧ
вѣ́нча́нныѧ, ѿ правосла́вныѧ црѣ́мѧ, ѿ на́мѧ полѡ́чыти
црѣ́вѣа нѣ́нагѡ, ва́гѣтѣю ѿ ча́юбѣ́е, гдѣ́ нѣ́шего нѣ́са хрѣ́ста,
сѧ нѣ́ же оцѣ́мъ кѡ́пнѡ ѿ сѣ́омѡ дѣ́хъ чѣ́ ѿ покла́нѣнїе, нѣ́ѣ
ѿ прѣ́нѡ ѿ во вѣ́ки вѣ́кѡмъ, а́минь.

Потомъ святитель благословилъ царя св. крестомъ и
опять произнесъ слѣдующее:

О вѣ́омѧ вѣ́нча́нныѧ црѣ́ю, ѿ вели́кѣй кнѣ́зь мѣ́хѧнѧ
ле́одоровнѣ́, всеѧ рѡ́ссїи самоде́ржецѧ, бѣ́ди на тебѣ́ ма́ть
вѣ́ѣа, ѿ прѣ́чтыѧ вѣ́цы, ѿ вели́кѣй чюдотѣ́вѡцѡвѧ, ѿ всеѧ сѣ́мѣ́хъ
ма́тѣа, ѿ вѣ́госла́вѣнїе, да ѿ на́шего смире́нїа ма́тѣа, ѿ
вѣ́госла́вѣнїе всеѧ ѡ́бщѣ́нныѧ собо́ра, рѡ́ссїи мѣ́тропо́ліи,
ѡ́нѣ́ѣ ѿ до вѣ́ка, ѿ во мнѡ́гѣа рѡ́ды ѿ лѣ́тѣа, ѿ о́уиновѣ́жѣ́
гдѣ́ вѣ́хъ лѣ́тѣ́а живо́тѣа црѣ́вѣа ва́шего. ѿ о́узрѣ́ши сѣ́ны
сыновѣ́хъ своѣ́хъ, ѿ о́устрѡ́и гдѣ́ црѣ́во твоѣ́ ѿ ко́выси гдѣ́
црѣ́вѣ́нцѡю десни́цѣ́ твоѣ́, на все́мѣ́и твоѣ́ми нѣ́дрѡ́ги ѿ
врагѣ́и: ѿ о́устрѡ́итѣ́а гдѣ́ вѣ́хъ црѣ́во твоѣ́ ми́рнѡ, ѿ вѣ́чнѡ,
въ ро́ды родѡ́вѧ на вѣ́ки.

На это все молящїеся воскликнули: «бѣ́дѣ́и бѣ́дѣ́ мнѡ́го-
лѣ́тнѡ.»!

Въ день вѣнчанїа князю Д. М. Пожарскому сказано было
боярство, а Кузьмѣ Минину думное дворянство.

Земскїй соборъ приказалъ казанскому дьяку Шульгину
съ казанскими ратными людьми выгнать изъ г. Михайлова Заруц-
каго съ Мариною и ея сыномъ. Шульгинъ пошелъ, съ дороги
донесъ, что казанскїе ратные люди присягнули царю Михаилу,
а самъ пытался уговорить ихъ не присягать новому царю, такъ
какъ де онъ обрѣ́нъ безъ вѣ́дома государства Казанскаго;
дьякъ даже тихонько поѣ́халъ для того же воровскаго дѣ́ла
въ Казань, но на дорогѣ́ узналъ, что казанская земля поспѣ́-
шила присягнуть по указу митрополита Ефрема новому царю.

Шульгина около Свѣяжска арестовали, препроводили въ Москву, откуда онъ былъ сосланъ въ Сибирь, гдѣ и скончалъ дни свои. Пришлось побывать въ Казани и сообщнику Шульгина атаману Заруцкому съ Мариною и Маринкинымъ сыномъ, но въ качествѣ осужденныхъ на смерть плѣнниковъ. Изъ Казани плѣнные были доставлены въ Москву, гдѣ Маринкинъ сынъ былъ повѣшенъ, Заруцкій посаженъ на колъ, а Марина скончала жизнь свою въ тюрьмѣ.

Первые шаги новаго монарха шли совмѣстно съ земскимъ соборомъ, на которомъ присутствовали два митрополита: Ефремъ Казанскій и Кирилль Ростовскій. Владыка Ефремъ въ маѣ посвятилъ на Крутицу въ митрополиты Іону, такъ что на царскомъ вѣнчаніи было три митрополита: Ефремъ Казанскій и Свѣяжскій, Кирилль Ростовскій и Ярославскій, Іона Сарскій и Подонскій. Только послѣ выѣзда владыки Ефрема изъ столицы управлять патриархіею сталъ митрополитъ Іона, какъ мѣстоблюститель патриаршаго престола по установленному порядку.

Къ концу 1613 г. митрополитъ Ефремъ возвратился въ Казань и 26 декабря скончался, былъ торжественно погребенъ въ Спасскомъ монастырѣ, въ часовнѣ, на мѣстѣ покоя св. Гурія и Ворсонофія, вмѣстѣ съ останками иноковъ Іоны и Нектарія, сподвижниковъ св. апостола Казани. Казанская церковь причислила усопшаго митрополита къ лику святыхъ; въ одной изъ древнѣйшихъ переквей Казани имѣется стѣнной образъ святителя. Его икона сооружена и надъ могилою приснопамятнаго владыки.

Смута кончилась. Россія вышла изъ нея обновленною. Разруха объединила окраины съ центромъ, съ сердцемъ страны. Прекратили свое существованіе отдѣльныя государства, а настало великое царство Россійское.

«Въ искушеньяхъ долгой кары,
Претерпѣвъ судебъ удары,
Окрѣпла Русь:
Такъ тяжкій млатъ,
Дробя стекло, куетъ булатъ».

Прошло 300 лѣтъ, какъ при живѣйшемъ участіи названныхъ выше дѣятелей, близкихъ Казани лицъ: святѣйшаго Гермогена, святителя Ефрема и старца Авраамія Палицына была

прекращена разруха, и совершилось «по Божьему устроению и приговору всей земли» избраніе въ Московскіе цари правнука перваго намѣстника царства Казанскаго князя-Рюриковича А

Ч е б о т а р ѣ в ѣ

Б. Горбатаго-Шуйскаго: былъ избранъ бояринъ Михаилъ Теодоровичъ Романовъ, «сродичъ, дяди своего наслѣдникъ, братаничъ блаженнаго царя Теодора, ясно 'по свойству царскаго сѣмени Богомъ избранный цвѣтъ, не по чѣловѣческому хотѣ

нію, не по своему желанію, а по праведному суду Божию изъ устъ всего народа Россійскаго царствія». Одновременно съ этимъ сей избранникъ сталъ и царемъ Казанскимъ. Люди Казанскаго края имѣютъ въ лицѣ св. Гермогена, Ефрема и Авраамія высокопоучительные примѣры гражданскихъ доблестей.

Казанскій край хранитъ прахъ бабушки избраннаго 21 февраля 1613 г. царя: княгини Шестовой. Въ г. Чебоксарахъ былъ когда то Никольскій дѣвичій монастырь, обращенный въ 1764 г. въ Николаевскій соборъ, по Предтеченскому въ немъ нынѣ придѣлу именуемый въ просторѣчьи «Предтечею». Здѣсь то подъ Никольскимъ придѣломъ имѣется склепъ, въ которомъ и покоятся въ дубовой колодѣ въ шерстяномъ монашескомъ одѣяніи кости княгини, сосланной въ монастырь въ 1601 г. царемъ Борисомъ Годуновымъ и постриженной подъ именемъ Марѣы игуменомъ чебоксарскаго троицкаго монастыря Іоанникиемъ. Княгиня и скончалась въ заточеніи. Въ склепѣ ведетъ желѣзная дверь. Подлѣ нея въ стѣнѣ есть оконце. Княгиня несомнѣнно была не расположена къ царю Борису Годунову, перехватившему престолъ царскій у ея зятя Феодора Никитича Романова. Отъ нея по преданію остался въ Чебоксарахъ въ мѣстной кладбищенской церкви даръ, поступившій чрезъ строителя послѣдней А. С. Арбатова: изображеніе царевича Дмитрія во весь ростъ и въ царской одеждѣ съ крестомъ, пальмовой вѣтвью и ножомъ въ рукахъ. На заднемъ фонѣ иконы изображены терема, церкви, народъ, событіе убіенія царевича въ лицахъ съ слѣдующими надписями:

1) Благочестивый царь Феодоръ Іоанновичъ вручаетъ жезлъ въ руку брату своему, благовѣрному царевичу Димитрію, и посылаетъ его въ удѣльный градъ Угличъ съ рождающею его матерію Марією Феодоровною.

2) (Разобрать очень трудно—почти предположительно) хотѣй себѣ Борисъ Годуновъ... други дарами купити яже тѣми... ихъ... указать, какъ бы царевича Дмитрія погубити.

3) Борисъ Годуновъ посылаетъ въ Угличъ Василисѣ Волховѣ многіе дары и еще обѣщаяся ей дати большія нѣкія дары и еще обѣщаяся сына ея Данила велика сана сподобити, да еще царевича Димитрія тайно отравой уморити.

4) Василиса Волхова подавала царевичу Димитрію секретную отраву въ питіи, святой же неврежденъ бысть.

5) Возвѣсти же Василиса тайными посланники Борису Годунову, яко царевича Димитрія никакова же вредить отравы, исполнился Борисъ печали и ярости.

6) (Всѣ слова почти стерлись)... же совѣщаваяся.

7) Утаишася тріе псковники въ тайннемъ мѣстѣ, ждущіе да сведетъ Василиса царевича на дворъ.

8) Василиса же обольсти царицу лестными словами да отпустить царевича во дворъ, царица же емше ей вѣру, отпусти царевича.

9) Василиса же ведоша царевича изъ палаты на дворъ, кормительница же его не хотяше отпустить, аки ей ведуще, Василиса же едва не нуждею его ведоша.

10) Василиса же сведе царевича Димитрія на дворъ.

11) Кормительница его съ болѣзнованіемъ послѣдующе.

12) И-ту явишася ждуще тріе убійцы Никита Качаловъ, Данило Битяговской, Данило Волоховъ, той и приимъ царевича отъ матере своея.

13) Данило же уязви святого въ шею ножемъ и не угоди прерѣзати ему гортань.

14) Убоявшеся, повергъ ножъ и побѣже.

15) Святой же паде на землю, кормительница же его при-тече и паде на царевича, нача вопити; Никита же Качаловъ и Данило Битяговской начаша ея бити, царевича же гортань прерѣзаше.

16) Пономарь видѣ издаличе дѣемое на дворѣ царевичевѣ.

17) Той же пономарь взыде на колокольню, нача въ звонъ бити на сполохъ.

18) Убійцы же начаша двери колокольные ломати, хотяху убити въ звонъ ударяющаго, и не можаху отверсти.

19) Убійцы же побѣгоша вонъ изъ града и не познаша, камо бѣжати, и возвратишася вспять.

20) Граждане же течаху на звонъ ко двору царевичеву.

21) Царица Марія Феодоровна и вси граждане плакахуся неутѣшно надъ царевичевымъ закланнымъ тѣломъ.

22) Убійцы же отъ гражданъ каменіемъ побіени быша.

Мѣстные жители сдѣлали Николаевскій соборъ, мѣсто страданій инокини Марѣы, предметомъ паломничества.

Въ Казанскомъ кафедральномъ соборѣ имѣется дорогое евангеліе съ изображеніями евангелистовъ, золотыми за-

ставками и словами, вкладъ митрополита Ефрема; на евангеліи имѣется слѣдующая надпись: При державѣ благочестиваго царя и великаго князя Михаила Ѳеодоровича митрополитъ Казанскій и Свіяжскій Ефремъ далъ въ домъ Пресвятой Богородицы преславнаго ея Благовѣщенія въ вѣчное поминовеніе за свою душу, отъ него же возведенъ бысть благочестивый государь Михаилъ Ѳеодоровичъ на государство Россійскаго царствія. Евангеліе напечатано съ болгарскаго извода въ 1606 г. печатникомъ Анисимомъ Радишевскимъ Волинцемъ; украшенія работаль царскій мастеръ Парфентій.

Казанскій кафедральный соборъ.

Въ Казанскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ есть Ѳеодоровская икона Божіей Матери, списокъ съ той иконы, которой былъ благословленъ Михаилъ Ѳеодоровичъ 14 марта 1613 г. Этотъ списокъ пожертвованъ О. А. Лукиной изъ рода бояръ Романовыхъ въ началѣ 17 вѣка Каз. Ѳеодоровскому монастырю.

Вотъ что воскресаетъ въ памяти казанцевъ въ настоящіе священные для русскаго гражданина дни празднованія 300 лѣтняго юбилея царствованія благословеннаго дома Романовыхъ. Нижній гордится именами кн. Пожарскаго и Козьмы Минина, Кострома Иваномъ Сусанинымъ; мы же, казанцы, должны гордиться, тѣмъ, что Казанскій край воспиталь такихъ патріотовъ, какъ святители Гермогенъ и Ефремъ, и давалъ 8 лѣтній приютъ

старцу Авраамію, приготовившемуся къ высокой патріотической дѣятельности подъ руководствомъ названныхъ святителей. Еще болѣе мы должны благодарить Бога, что священный для насъ Казанскій образъ Божіей Матери былъ въ земскихъ ополченіяхъ, предъ нимъ молились русскіе послѣ очищенія, кремля отъ поляковъ; предъ этимъ святымъ ликомъ молился юный Михаилъ Ѳеодоровичъ, когда вступилъ на царство; этотъ образъ, хотя бы и въ списокъ, сталъ особенно дорогъ всей православной Руси.

Господь удостоилъ вѣнца мученика святѣйшаго патріарха Гермогена. Въ 1654 г. были обрѣтены нетлѣнные мощи святителя находящіеся нынѣ подъ спудомъ въ Большомъ Успенскомъ соборѣ. Въ «Книгѣ о святыхъ» про него сказано: святѣйшій патріархъ Гермогенъ, новый исповѣдникъ, уморенъ голодомъ въ Чудовомъ монастырѣ отъ русскихъ измѣнниковъ и поляковъ, а въ «Сказаніи о бѣдахъ, скорбяхъ и напастехъ» сказано: «Великаго святителя патріарха новаго исповѣдника Ермогена уморили нужною смертію за его крѣпость и неколеблющійся разумъ и пріять отъ Бога неувядаемый вѣнецъ». Въ XVII в. патріархъ служилъ по святителѣ Гермогенѣ заупокойную литургію и вселенскую панихиду ежегодно во вторникъ Ѳоминой недѣли. Имя святителя вошло въ книгу «Святая Русь» архимандрита Леонида и въ «Источники русской агіографіи», въ старинные списки и сборники русскихъ угодниковъ, и онъ причисленъ къ мѣстнотчимымъ въ Москвѣ подвижникамъ благочестія. Въ 1812 г. св. мощи великаго казанца еще разъ подвергались глумленію враговъ Россіи: французы, ища богатства, разбили гробницу Гермогена, выкинувъ его св. мощи. Въ 1912 г. 17 февраля вся Россія праздновала 300 лѣтіе дня мученической кончины св. Гермогена. Въ 1913 г. москвичи числомъ 20000 послали ходатайство въ Св. Синодъ о причисленіи святителя къ лику святыхъ всероссійской церкви приблизительно слѣдующаго содержанія:

«Недавнее, по благословенію Святѣйшаго Синода, всероссійское торжественное чествованіе (17-го февраля 1912 года) трехвѣковой памяти поистинѣ святѣйшаго изъ всѣхъ десяти нашихъ патріарховъ первосвятителя Гермогена раскрыло предъ очами русскаго народа все величіе его подвиговъ, какъ спасителя вѣры и отечества въ годину гибельнѣйшаго лихолѣтя, всю святость его жизни и мученической смерти и напомнило

всѣмъ намъ, что древняя святая Русь глубоко чтитъ сего «несокрушимаго столпа вѣры и отечества, какъ новаго исповѣдника, вписывала его имя, какъ святого, въ помянники церковные, и что, наконецъ, Господь троекратно—въ 1654, 1812 и 1883 годахъ—свидѣтельствовалъ нетлѣніе его священныхъ останковъ».

Мысль о необходимости причислить къ лику святыхъ патріарха Гермогена возникла еще въ 1906 году, когда впервые у раки съ его мощами начали совершаться чудеса. Но окончательно созрѣла эта мысль только въ 1911 году. Съ этого времени въ Успенскомъ соборѣ была заведена особая книга для записи совершаемыхъ у гробницы чудесъ.

Чудеса записываются, по заявленію исцѣлившихся, членами причта собора и церковнымъ старостою полковникомъ Пороховниковымъ. Въ настоящее время въ книгу занесено болѣе 200 случаевъ чудеснаго исцѣленія. Есть особая шнуровая книга, куда вписываются чудеса только послѣ тщательной провѣрки ихъ; допрашиваютъ самихъ исцѣленныхъ, собираютъ свидѣтельскія показанія, устанавливаютъ исторію болѣзни при помощи медицинскихъ свидѣтельствъ и пр. Такихъ провѣренныхъ случаевъ чудеснаго исцѣленія зарегистрировано пока 48.

Вотъ наиболѣе видные изъ нихъ. Въ октябрѣ 1911 года въ соборъ была приведена владѣлица имѣнія около ст. «Крюково» Николаевской дороги, Смирнова-Рихтеръ.

Страдая острымъ ревматизмомъ въ ногахъ, больная въ теченіе многихъ лѣтъ не ходила. Помолившись у гробницы за панихидою, г-жа Смирнова-Рихтеръ безъ посторонней помощи подошла къ ней приложиться. Съ этихъ поръ она совершенно здорова. Приводившій больную мужъ ея, лютеранинъ, свидѣтельствовалъ чудо.

Въ октябрѣ 1912 года въ Москву пріѣхалъ изъ провинціи одинъ купецъ со всею семьей. Купецъ привезъ въ соборъ своего 11-лѣтняго сына, страдавшаго эпилепсіей. У мальчика случались припадки, до 50-ти разъ въ сутки. Въ первую ночь послѣ совершенной у гробницы панихиды припадки значительно сократились, а на вторую ночь, когда на мальчика надѣли рубашку, положенную на гробницу, припадковъ совсѣмъ не было. И вотъ отецъ исцѣленного мальчика прислалъ письмо, въ которомъ выражаетъ радость [по поводу совершеннаго выздоровленія сына.

Въ ноябрѣ 1912 года исцѣлилась 6-лѣтняя дѣвочка, отъ рожденія не ходившая.

30-го декабря прошлаго года живущій въ Москвѣ отставной генераль-майоръ М. И. Савостинъ въ письмѣ свидѣтельствуеъ, что онъ, послѣ домашней молитвы патриарху Гермогену, исцѣлился отъ ревматизма.

Предемертное видѣніе патриарха Гермогена.

Мученія голода могъ перенести онъ,
Но жить безъ питанья не могъ,
И брѣнность ничтожнаго нашего тѣла
Сломила его, и онъ слегъ.
На пятые сутки забылся владыка
И впалъ въ лихорадочный бредъ,
Но все призывалъ милосердіе Бога
Спасти отъ ужаснѣйшихъ бѣдъ
Родную сторону и не дать ей погибнуть
Отъ тяжкихъ раздоровъ вождей,
И строго и гнѣвно ее наказуя,
Явить свою милость надъ ней.
Ему представлялась народная сила,
Могучая сила земли,
Которой дружины, какъ грозныя тучи,
Кольцомъ вражій станъ облегли.
Онъ видѣлъ, какъ въ яростной битвѣ мѣшались
И вражьи и русскихъ полки,
Какъ ближе и ближе они подвигались,
Какъ стойко дрались поляки.
И долго та битва кипѣла, но все-же
Сломить вражій станъ не могла,
И быстро рѣдѣла народная сила,
И большею частью легла.
Но вотъ наконецъ одолѣли поляковъ,
Пощады не дали врагамъ,
Прогнали злодѣевъ, и въ Кремль златоверхій
Стеклись на молитву во храмъ.
Смиренно народъ предъ святыней Господней

Добычу побѣды сложилъ,
И онъ, патріархъ Гермогенъ, на амвонѣ
Соборне молебень служилъ.
Съ какою отрадой свершалъ онъ служенье,
И всѣ повторяли за нимъ
И вѣчную память усопшимъ собратьямъ
И многая лѣта живымъ!
Окончивъ молебень соборне, владыка
На Красное вышелъ крыльцо,
И было свѣтло, и сіяло, какъ солнце,
Его испитое лицо.
И пала толпа предъ нимъ на колѣни,
И онъ осѣнилъ всѣхъ крестомъ.
О какъ онъ гордился такого народа
Духовнымъ считаться отцомъ!
А вотъ и потомокъ державнаго рода,
Избранникъ всей русской земли,
Кого, по свободному міра желанію
Всѣ дружно царемъ нарекли,
Стоить предъ нимъ... Онъ склонился смиренно,
Крестомъ свою грудь осѣнилъ
И ждетъ, чтобы самъ Гермогенъ всенародно
Тотъ выборъ вѣнцомъ утвердилъ.
Какою-то чудною силою подъятый,
Страдалецъ поднялся съ земли:
Въ такое мгновенье ни голодъ, ни муки
Его одолѣть не могли.
Поднявъ ослабѣвшія руки, владыка
Вѣнецъ на главу возложилъ,
Вздоргнулъ, пошатнулся и съ чувствомъ восторга
Онъ очи навѣки смежилъ.

Навроцкій.

Закончимъ нашу повѣсть чудными стихами высокаго поэта,
посвященными памяти великаго казанца патріарха Гермогена.

Время летитъ и стрѣлою несется,
Жизнь, какъ потокъ, устремилась за нимъ,—
Вспомнимъ, что было, что къ намъ не вернется,—
То, что прошло и похищено имъ.

Буря житейская волны нагнала:
Смута вездѣ, мятежи и разбой.
Русь зашаталася, Русь застонала,
Слезы и кровь полилися рѣкой.

Два самозванца тогда появились:
Гришка Отрепьевъ и Тушинскій воръ;
Гордо поляки надъ Русью глумились,—
Быль тѣмъ глумленьямъ широкій просторъ.

Точно въ кошмарѣ какомъ задыхаясь,
Русь ослабѣла, порушивши «крѣпи»,
Въ вѣрѣ святой православной шатаясь,
Скорбно одѣлася въ польскія цѣпи.

Въ это столь мрачное, смутное время
Чась для Россіи послѣдній пробилъ.
Кто же вдругъ свергнулъ съ ней польское бремя?
Кто ей свободу опять возвратилъ?

Пастыря добраго вспомни, Россія:
Быль онъ спаситель, молитвенникъ твой;
Вспомни труды и заботы святыя,
Подвигъ великій, безцѣнный, златой.

Стражъ православія, Божій служитель,
Самъ патріархъ Русь святую спасалъ;
Русскихъ исконныхъ началъ охранитель,
Твердо за царскій престолъ онъ стоялъ.
Видѣлъ святитель бѣду, Богомъ данную,
Горько скорбѣлъ и болѣлъ за народъ,
Звалъ всѣхъ бороться за Русь православную,
Смѣло итти на поляковъ въ походъ.

Въ душу народную искра запала,
Сердце на подвигъ великій зажгла,—
Русь приободрилась, быстро возсталла,
Смѣло сражаться съ врагами пошла.

Сгинулъ кошмаръ... Вновь святая и чистая,
Русь о царѣ взревновала родномъ;
Вѣра отцовъ заблистала лучистая
Въ томъ ревнованьи народа святомъ.

Тщетно поляки въ союзъ съ боярами,
Что измѣнили родному царю,
Долго грозили святителю карами,
Злобу предъ нимъ изливая свою.

Смѣло и громко Россіи спаситель
Звать весь народъ въ борьбу продолжалъ...

Скоро угасъ патріотъ и святитель:

Смерть онъ голодную стойко принялъ.

Умеръ «печальникъ», но дѣло то родное

Крѣпко росло... Поляки дрожали...

Мининъ съ Пожарскимъ движенье народное

Мощной рукою своей продолжали.

Славенъ, великъ патріархъ Гермогенъ!

Память въ народѣ о немъ нерушима.

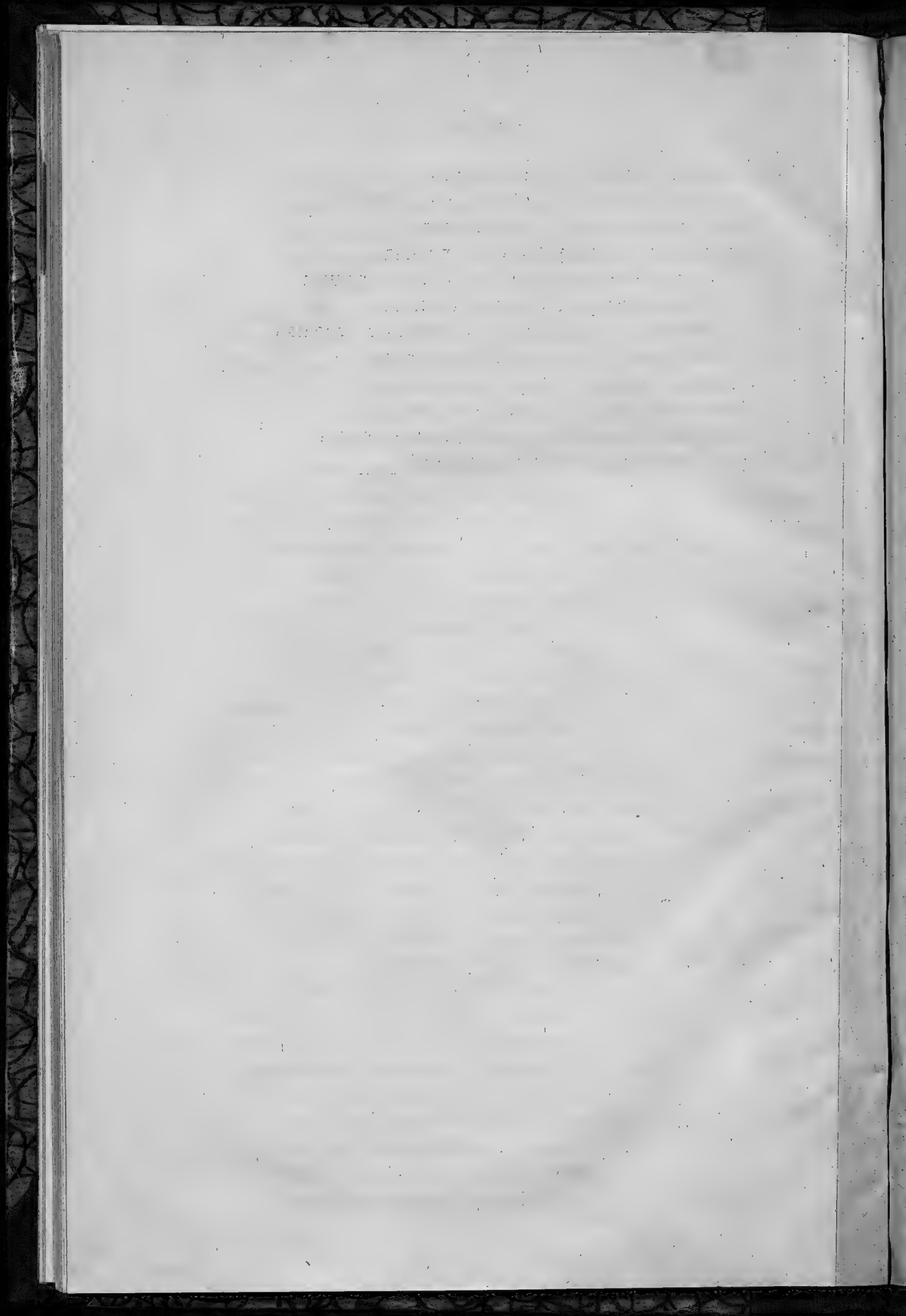
Пусть же отъ смутъ и несчастныхъ временъ

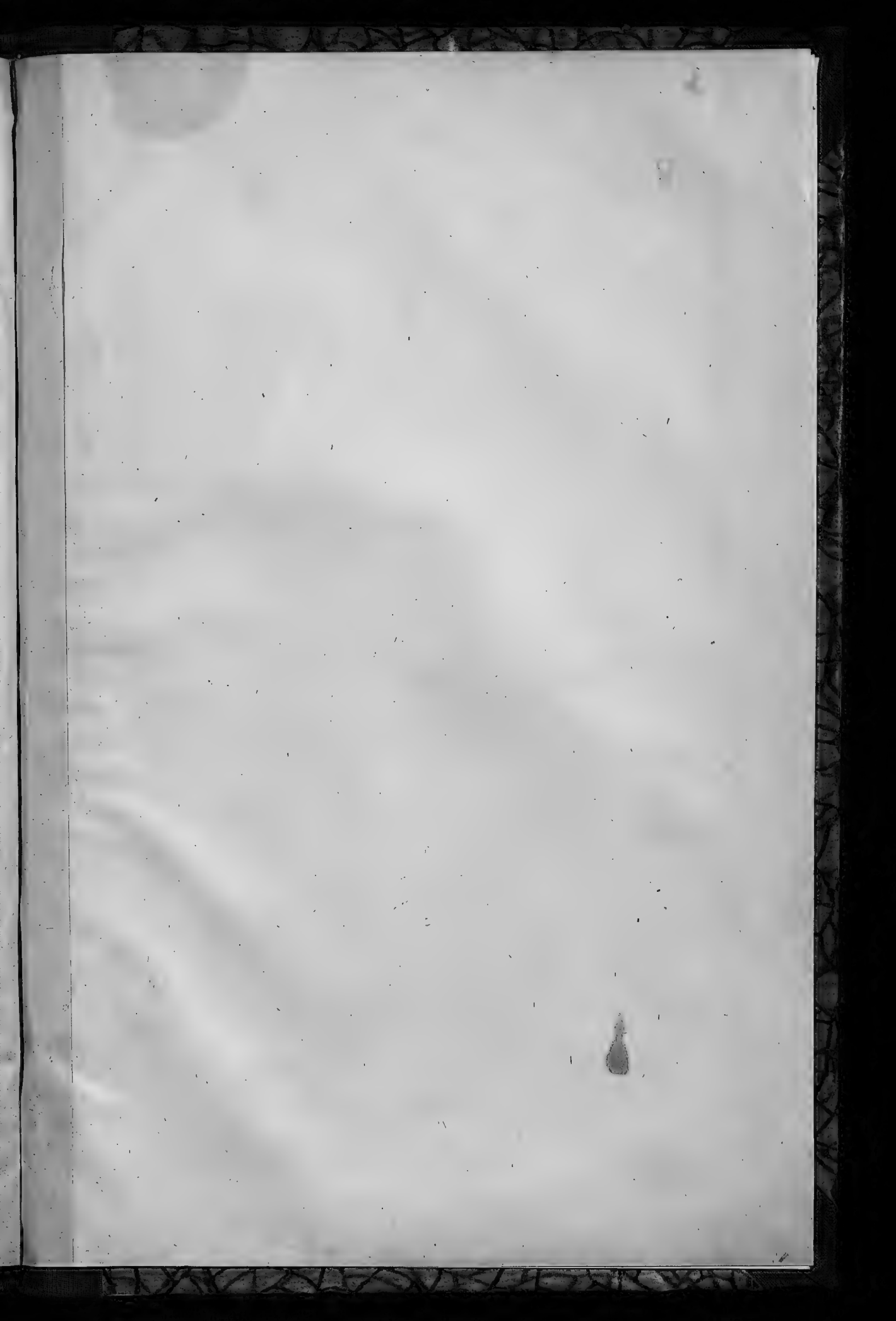
Русь православная будетъ хранима!

К. Р.

Государств. публичная
историческая
библиотека СССР

Цѣна 25 коп.

Приложеніе къ «Циркуляру» при Управленіи Казанскаго Учебнаго Округа за январь — февраль 1913 г.

